

На правах рукописи

Миннуллина Элина Борисовна

**КАТЕГОРИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧНОСТИ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Казань – 2015

Работа выполнена на кафедре философии Института экономики и информационных технологий Казанского государственного энергетического университета

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор

Тайсина Эмилия Анваровна

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Фатенков Алексей Николаевич

доктор философских наук, профессор

Маслихин Александр Витальевич

доктор философских наук, профессор

Билалов Мустафа Исаевич

Ведущая организация:

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина

Защита состоится 25 июня 2015 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, ауд. 1607.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автореферат разослан _____ 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Лингвистическое и антропологическое измерение философии XX века определило первостепенную значимость углубления знаний о таких конститутивных феноменах социального бытия, как язык, коммуникация, ценностные и телеологические ориентиры человека. На фоне стремительно развивающегося и изменяющего свой облик информационного общества своевременность обращения к вопросам коммуникативных условий социальных и индивидуальных практик становится все более очевидной.

В преломлении историчности и в контексте изменения характера социальных отношений, опосредованных каналами массовой коммуникации и информации, социально-философское осмысление проблем и вопросов коммуникативного пространства является важным и необходимым. Разнородность, многомерность социального пространственно-временного континуума практик взаимно связаны с гетерогенностью коммуникативного пространства. Социальные процессы невозможны вне коммуникативных, в связи с чем особенно важно изучение вопроса границ социального и коммуникативного пространства, определение характера их корреляций.

Во всех сферах современного общества наблюдается «паралич сил, питающих социальные связи»¹, проявляющийся в непредсказуемости развития социумов, одновременной глобализации и децентрализации («схлопывания вовнутрь»). Экономический кризис, национальные и политические конфликты, – все это следствия того, что в целом можно охарактеризовать как неумение человека соизмерить свои силы с разворачивающимся процессом *социального приращения, разрастания коммуникативного пространства*.

Ни рационалистический этос Просвещения, ни нигилистический пафос постмодернизма не оказались способны противостоять «расползанию» социального и потере в расширяющейся пропасти между нормами и поведением (тем более, в контексте кризиса метафизики субъекта) человеческой индивидуальности. В этих обстоятельствах вопрос поиска *коммуникативного основания как гаранта социальной и личностной идентичности* несомненно актуален.

Не менее значимым мотивом постановки и решения вопроса о статусе коммуникации является ситуация, сложившаяся в сфере самой философии. Парадигмальный скачок, концентрированно выраженный в таких понятиях, как «лингвистический поворот», «трансформация философии», а в последнее время – и «натуралистический поворот», в итоге оборачивается парадоксом: социальные науки вынуждены доказывать свою способность выйти на метауровень и преодолеть историческую обусловленность мышления эпохи. Кризис эпохи Модернити указал на необходимость пересмотра традиционного понимания рациональности (главной ценности эпохи Просвещения) с уче-

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. С. 150.

том контекста современного общества и трансформации философского знания. Эта проблема является сегодня одной из наиболее дискуссионных, и на фоне имплицитно присутствующего в научном дискурсе постмодернистского скептицизма по отношению к большим нарративам основной задачей философии становится поиск (или возвращение) своего настоящего *голоса*.

Позитивизм считал главным недостатком классической философии ее неспособность эксплицировать эмпирические данные без метафор и языковых неточностей. Так, Б. Рассел утверждал: «Сейчас я замечу лишь, что сущность представляется мне бестолковым понятием»². Более того, он полагал, что «нужно отделаться также и от концепции «субстанции». Когда это будет сделано, «вещь» должна будет превратиться в совокупность качеств»³. Подобного рода высказывания свидетельствуют, что многие социальные, этические и антропологические вопросы, в том числе метафизические проблемы поиска сущности и смысла жизни, общения и понимания должны остаться за пределами науки. Установка на математизацию гуманитарного знания отразилась и на изучении пространства языкового взаимодействия.

Непроясненность ключевых понятий – один из недостатков многих современных концепций коммуникации и дискурса. С точки зрения отечественного исследователя современных теорий коммуникации А.Н. Павленко, «сущность коммуникации – в самом процессе коммуникации. <...> Это убеждение, ставшее сегодня чуть не расхожим мифом, овладело сознанием участников коммуникации <...>. Тем самым, коммуникация как таковая, и стоящий за ней интерсубъективизм, выводятся за границы обсуждения, делая ее чем-то само собой разумеющимся»⁴. Действительно, социально-философские теории коммуникации, обладающие объяснительным потенциалом, используют в качестве аксиом положения, которые в свою очередь нуждаются в обосновании, в кларификации понятий, определяющих свойства коммуникативного бытия.

Хорошо известно, что интенция на изучение языка – один из дефинитивных признаков социально-гуманитарного познания XX столетия. Постструктурализм ушел в прошлое и унес с собой «традицию» изучать письмо; акцент сегодня смещается на исследование законов разговорной речи. С одной стороны, письмо доминирует над устной формой общения, вытесняет диалог из привычной сферы межличностных контактов, с другой – создаваемое в сфере электронных медиа, оно утрачивает черты традиционного эпистолярного жанра и обретает качества разговора. Происходящая на фоне технологического прогресса трансформация социо-культурной среды и формирование новых средств, каналов и видов коммуникации (например, устно-письменной) обуславливает изменение межличностного пространства. Необходимость выявления бытийных оснований выше обозначенных социально-

² Рассел Б. История западной философии: В 3 кн. / пер. с англ. СПб: Азбука, 2001. С. 217.

³ Там же. С. 558.

⁴ Павленко А.Н. Является ли «коммуникативная программа» обоснования знания универсальной? // Вопросы философии. 2009. № 11. С. 100–113.

коммуникативных феноменов определяет значимость и актуальность темы диссертационной работы.

Коммуникация, ее речевые и дискурсивные формы, структура и порядок – это предмет междисциплинарного исследования. В различных вариациях они рассматриваются социальной философией, гносеологией, социальной и политической лингвистикой, семиотикой, этикой, социологией, социальной психологией, педагогикой и этнографией. Таким образом, изучается широкий комплекс вопросов о социальной сущности языка, его функциях и роли в жизни общества. Сложная структура знаковых систем, которая проявляется в многоуровневости и противоречивости форм их существования, детерминировала предметно-методологическую дифференциацию внутри областей социального и гуманитарного знания, в границах которых главным образом и конструировались теоретические модели коммуникации. Размывание предметных границ исследований языковых отношений и структур свидетельствует о недостаточности их изучения только через призму специальных дисциплин. Необходимо фундаментальное знание о целостном коммуникативном пространстве, которое позволило бы сформулировать и решить наиболее важные с точки зрения социальной философии задачи.

Противоречивая природа языка и его связи с процессом общения обуславливают проблемный характер исследования коммуникативного пространства, социального взаимодействия и человеческого взаимопонимания, что в каком-то смысле позволяет говорить о вневременной значимости данного вопроса.

Степень научной разработанности темы. Тему языка и общения можно назвать одной из ключевых в истории мышления и культуры: вопросы о природе имени, языка, искусстве речи ставились еще в античной философии. Однако ретроспективный анализ всей обширной области философии языка не может быть проведен здесь в силу ограниченности объема работы, поэтому мы выделим ключевые концептуальные блоки, которые непосредственно связаны с темой диссертационного исследования, а именно, систему понимания и идеи коммуникации в социологических синтетических концепциях, теориях массовой коммуникации, экзистенциализме, прагматизме, неопозитивизме и постструктурализме.

Идея коммуникации как основы социальной реальности и, соответственно, исходной предпосылки философского знания высказывалась еще в начале XX века, в частности, К. Ясперсом. Отношение «Я» и «Ты» в коммуникации отличает человека от всего сущего. Этот процесс открывает человеку его самость, представляя собой условие бытия. Именно через коммуникацию проявляется сущность человека, который в формате общения с другими и в аспекте его судьбы больше не может рассматриваться как абстрактное «Я» (объект для психиатра). Человек манифестирует себя как конкретная, историческая экзистенция, раскрывающаяся в коммуникации⁵. Важнейшую

⁵ Jaspers K. Philosophie. Bd. I. S. 126.

роль в изучении вопросов историчности самоосмысления сыграла работа К. Ясперса «Смысл и назначение истории»⁶.

Центральное понятие, которое обозначило парадигмальный сдвиг от философии сознания к философии коммуникации, – понятие интерсубъективности. Фундаментальной работой, в которой впервые определены границы интерсубъективного, является труд Э. Гуссерля «Картезианские размышления». Интерсубъективность трактуется немецким философом как способ определения условий смысловых связей между субъектами; при этом он выделяет два основания интерсубъективности: мир, познанный в опыте, и опытное познание «другого». Таким образом, субъект осознает переживания мира *другим* (и в целом сообществом). Гуссерль интерпретирует интерсубъективность с позиции отдельного сознания, обращая внимание на наличие «согласованности» и сопереживания по принципу аналогии: «как если бы я был там»⁷. В конечном счете в традициях философии сознания и классической субъект-объектной дихотомии истолкование переживаний «другого» у Гуссерля раскрывается через переживания самого истолковывающего субъекта.

Позднее категория интерсубъективности выступит основой коммуникативной онтологии К.О. Апеля и Ю. Хабермаса.

Категория интерсубъективного связана с важнейшим понятием прагматики «коммуникативное сообщество», которое впервые было активно использовано в философии Ч. Пирса. Безграничное сообщество, как утверждал американский прагматик, способно к «бесконечному росту знания», оно принимает решения и «поправляет самого себя»⁸. Согласно эпистемологическому резюме, которое демонстрирует логику прагматизма Пирса, «реальность зависит от окончательного решения сообщества»⁹.

В основании лингвистического поворота¹⁰ (предпосылки которого можно усмотреть уже в XIX веке, в философско-лингвистических концепциях В. фон Гумбольта и Ф. Ницше¹¹), ознаменовавшего парадигмальный переход от философии сознания к философии языка, лежат идеи представителей логического позитивизма, в частности, концепция создания единого языка науки. Позднее в процессе критического переосмысления философского интереса неопозитивистов она трансформировалась в рефлексии использования языка, которая предопределила характер современной аналитической философии. Ключевыми в области разработки аналитического метода являются труды Г. Фреге, Б. Рассела, Дж.Э. Мура, Л. Витгенштейна, Г. Райла, Дж. Уисдома, а во второй половине XX века – Н. Малкольма, У.В.О. Куайна, Х.

⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

⁷ Там же. С. 472.

⁸ Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 92.

⁹ Там же.

¹⁰ The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method / ed. and with Introduct. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

¹¹ Margreiter R. Medienphilosophie. Eine Einführung. Berlin: Parerga Verl., 2007.

Патнэма, Д. Дэвидсона, С. Крипке, С. Сомса, которые также, наряду с его основоположниками, стали классиками аналитической философии.

Кульминация развития философских моделей коммуникации – это трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля и универсальная прагматика Ю. Хабермаса, а также концепции ряда их учеников и последователей (В. Кульманн, А. Хоннет и др.). Рациональность сознания заменяется в их теориях *коммуникативной* рациональностью. Наиболее значимые методологические сдвиги состоят в том, что субъект познания замещается интересубъективностью, которая носит языковой характер.

Говоря о методе, мы должны обратить внимание на то, что в концептуальном поле изучения коммуникации выделяются два ключевых понятия, определяющих методологическое расхождение: субъект и система. К концепциям, в которых основой коммуникативного процесса выступает конкретное действие субъекта, включенного в качестве элемента в последовательность передачи информации, можно отнести теории действия (теорию речевых актов, концепции К. Бюлера, П. Грайса, отчасти прагматику К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса и др.). Ярчайшим представителем системной теории является Н. Луман и его ученик Р. Штихве. Серединное положение занимают синтезирующие социологические концепции П. Бурдьё и Э. Гидденса.

Если Хабермас рассматривает коммуникативное действие как инструмент субъекта, который он может использовать для достижения консенсуса (то есть Хабермас исходит из принципа консенсуса как блага для всех), то Луман, испытавший сильнейшее влияние феноменологии Э. Гуссерля, рассматривает чистую коммуникацию, элементы которой не зависят от внешней среды, не вносятся извне: информации, сообщения и понимания вне коммуникации не существует. Сущность коммуникации, согласно Луману, заключена в порождении избыточности самой системой коммуникации; согласно Хабермасу – в действии субъекта, переносе информации от человека к человеку. Н. Луман трактует коммуникацию как закрытую систему, которая воспроизводит себя (то есть субъект не является фактором, который на нее влияет). Автор концепции эмерджентной коммуникации, как известно, исключает из своей системы «коммуникативное действие» (соответственно, именно оно является ключевым объектом его критики в адрес теории Ю. Хабермаса). Субъект вынесен за скобки объяснительной модели Лумана: он представляет собой часть внешней среды, а различие между средой и системой и составляют суть его теории. Важным моментом лумановской трактовки коммуникации является и то, что коммуникация определена им как сущность общества. Ни субъект, ни его практика не могут изменить элементы социальной системы и, соответственно, системы коммуникации. Конфликтующими пунктами позиций Лумана и Хабермаса является не только трактовка действия в коммуникации (первый отвергает его наличие в коммуникации, второй – постулирует), но и экспликация нормативного и случайного.

Ключевые вопросы, связанные с изучением текста и дискурса, интертекста и интердискурса, рассматривались в постструктуралистских концеп-

циях Р. Барта, М. Фуко, Ю. Кристевой, Ж. Деррида и др. М. Фуко эксплицировал социальную практику через неосознаваемые априорные структуры – эпистемы. Дискурс понимался французским философом как правило, порядок, который устанавливает границу между языком и реальностью. Свободная от дискурсивной определенности позиция, которую мог занимать исследователь истории человеческой мысли, обозначалась им как «нулевая степень дискурса». Р. Барт в контексте социальных изменений усматривал в дискурсе и в языке властный механизм. Внутренняя сфера языка и сфера реального разграничивается, по его мнению, «нулевой степенью письма». Французская школа дискурс-анализа в лице ее представителей (П. Серио, Д. Мальдидье, Ж. Гийому, П. Анри) внесла значительный вклад в изучение социальных, культурных, политических, идеологических аспектов дискурса. Современные исследования дискурса в традиции французской школы продолжают Д. Менгено, Н. Феркло, П. Коте, А. Рабатель, Ж. Бре, Д. Винсен, К.А. Тома, В. Маго, Ж. Бюске и др.

Различные теоретико-методологические подходы к дискурсивным исследованиям образуют обширное междисциплинарное пространство, в котором пересекаются интересы лингвистики, семиотики, социологии, этнологии, социальной философии. С позиций лингвистики к анализу информационного потока подходит У. Чейф, стремясь соединить формализм Н. Хомского и функционализм. Межличностные аспекты коммуникативного взаимодействия изучаются в работах С. Томпсон и Б.С. Форд. С позиции функциональной грамматики дискурс анализируется в трудах Р. Томлина, Р. Лонгейкра, М. Хэллидея. Властные механизмы дискурса и стратегии понимания являются предметом исследований ведущего специалиста в области критического дискурс-анализа Т. ван Дейка.

Во второй половине XX века область знания в сфере языка и коммуникации обогатилась результатами социально-лингвистических исследований, изложенными в периодических изданиях¹², а также в учебной, монографической и хрестоматийной литературе. Коммуникативные ситуации и речевая вариативность, социальные аспекты развития языка и особенности языковых обществ выступали объектами исследовательского интереса таких видных представителей лингвистики XX века, как У. Лабов, Р. Белл, Дж. Фишман, Дж. Гамперц, Д.Х. Хаймс, С.М. Эрвин-Трипп и др.¹³.

В исследование вопросов информационного общества значительный вклад внесли такие ученые, как Д. Белл, О. Тоффлер, Т. Стоуньер, М. Кастельс. Массовая коммуникация – предмет изучения представителей различных областей знания: от классиков Г. Тарда, Ч. Кули, У. Липпмана, Г. Блумера, Г. Лассуэлла, П. Лазасфельда и ученых второй половины XX века, которых можно отнести к классикам-современникам (например, амери-

¹² Language in Society, International Journal of the Sociology of Language, Journal of Multilingual and Multicultural Development, Journal of Sociolinguistics и др., среди российских изданий можно назвать «Вопросы языкознания» и «Этнографическое обозрение»

¹³ См. Вахтин Н., Головкин Е. Социолингвистика и социология языка. С. 14–15.

канского теоретика медиакультуры М.Л. де Флера, автора модели медиазависимости, предложенной совместно с С. Болл-Рокешо) до ученых, разрабатывающих сегодня концепции масс-медиа: зарубежных (П. Сканнел, М. Шадсон, А. Маттелар, С. Шмидт, М. Зиролд, С. Мункер, Р. Марграйтер) и отечественных (В.П. Терин, Н.Н. Богомолова, В.П. Конецкая, С.К. Шайхитдинова, Ф.И. Шарков и др.). В частности, в работах «Социальная психология печати, радио и телевидения» и «Социальная психология массовых коммуникаций» Н.Н. Богомоловой изучаются вопросы психологического статуса коммуникатора, восприятия его аудиторией. В работе С.К. Шайхитдиновой «Информационное общество и “ситуация человека”» рассматривается проблема отчуждения личности в условиях информационного общества. В целом в современной отечественной науке активно развиваются направления дискурса-анализа, анализа речевых актов, социальной эпистемологии. Несомненным вкладом в развитие философского знания в сфере языка и коммуникации являются работы Э.А. Тайсиной.

Объект исследования – социальная коммуникация, интерсубъективность и дискурсивность как единые основания коммуникативного пространства в их социально-философской репрезентации.

Предмет исследования – коммуникативное пространство в контексте историчности.

Целью исследования является раскрытие и объяснение корреляций коммуникативного пространства и рациональности в аспекте их изменений.

Для достижения намеченной цели необходимо решение комплекса **задач**:

- раскрыть принцип формирования коммуникативного пространства в контексте парадигмальных поворотов;
- обосновать коммуникативные предпосылки социального познания;
- произвести социально-философскую экспликацию понятий «коммуникативное пространство», «рефлексивно-дискурсивное единство», «интерсубъективность», «трансдискурсивность» с целью конструирования новой теории коммуникации;
- переосмыслить пространство дискурсивности для объяснения принципа смены картин мира в контексте историчности;
- изучить социальные формы проявления рефлексивно-дискурсивного единства в дискурсивных практиках;
- выявить содержание современного коммуникативного пространства в соотнесении с проблемой личностной свободы и идентичности.

Теоретико-методологические основания исследования.

Методологическую основу работы составляет комплекс теоретических инструментов коммуникативной онтологии, которая сформировалась на стыке критической теории общества, экзистенциализма и различных вариантов теории дискурса. Ключевые принципы диссертационного исследования можно сформулировать следующим образом: феноменологическое и структурное единство в анализе социального, ориентация на интерсубъективность и контекстуальность как основу коммуникации, признание рефлексивно-

коммуникативного характера социального действия. Основной предпосылкой служит целостный подход в аспекте единства языка и мышления.

Отметим, что для нас было важно избежать доктринального принятия какого-либо одного из методологических полюсов в изучении социального коммуникативного взаимодействия. Речь идет о дихотомичности философского осмысления социальной реальности, а именно расхождении объективистского и субъективистского подходов к исследованию общества (с доминированием системного или индивидного уровня). В этом отношении системную теорию Н. Лумана можно противопоставить теории речевых актов. В противоречии системы и действия заключено существенное расхождение взглядов на природу коммуникации. Компромиссное, диалектическое решение – это сочетание рассмотрения объективированных структур и контекстуально обусловленной практики. Наиболее удачно такой подход представлен в работах Э. Гидденса, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля, методология которых послужила основой изучения коммуникативного пространства.

Важнейшим инструментом исследования социальных феноменов речи выступает прагматика. Проблемное поле прагматики выходит за границы социально-лингвистических и аналитических конструкций. Ее основной задачей является поиск предельных оснований коммуникации, определение конституирующих языковую деятельность норм в их взаимной связи с социальным действием и социальной реальностью. Предмет прагматики – это и языковое употребление, и регулятивная система речи, которая используется в разных социальных контекстах.

В целом теоретическую базу исследования составили труды зарубежных авторов (К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе, К. Маркса, М. Фуко, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, К.Л. Витгенштейна, Г.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля, А. Шютца, Э. Гидденса, П. Бурдьё) и отечественных ученых: А.В. Назарчука, И.Т. Касавина, В.Н. Поруса, Ю.С. Степанова, Э.А. Тайсиной, С.К. Шайхитдиновой, Г.В. Мелихова, М.Ю. Олешко и других.

Тезисы, выносимые на защиту:

1. Коммуникативное пространство – это экзистенциальный модус, в котором происходит постижение бытия и укореняются жизненные практики, структурированные ключевыми взаимосвязями социального контекста и действий. Основная антиномия коммуникативной онтологии – язык и коммуникация. Термин «языковая картина мира» (или «схема», который используется как синоним картины) является обманчивым, уводящим от сущности коммуникации. Вводимое в работе понятие дискурсивно-рефлексивного единства позволяет указать одновременно на структурность и процессуальность коммуникации. Эта категория определяет такое коммуникативное взаимодействие, которое представляет собой измерение коммуникативного пространства. Его дефинитивным признаком является способность устанавливать соотношение дискурсивных величин. Собственным признаком выступает наличие нового смысла как синтеза и обнаружения единства значений. Дискурсивно-

рефлексивное единство обуславливает взаимопонимание индивидов и детерминирует их самоосмысление.

2. Дискурс – это координата коммуникативного пространства, ориентирующая и располагающая индивида в *со-бытийности*. По сравнению со статичным текстом дискурс подвижен; вместе с тем, он и устойчив, поскольку текст, являющийся частью дискурса (его *бывшим*), фиксирует социальное событие.

Структурация дискурса есть факт итерации общественных связей и действий, а также закрепление социальной эмпирии в тексте как сценарии повседневности. Ни социальное знание, ни сам дискурс не могут существовать автономно, независимо от речевой деятельности. Коммуникативно опосредованное действие артикулирует семантически организованное intersubъективное жизненное пространство как ключевую взаимосвязь социальной практики и контекста.

3. В феноменологии оснований intersubъективности два: это познанный в опыте мир (общий для познающих субъектов) и опытное познание *другого*. Однако понятая так intersubъективность сводится к субъективному ноэтическому акту переживания *другого* (в конечном счете переживания сообщества) и не выводит на основание коммуникации.

Сложность и даже опасность «замены» в теории изолированного субъекта на intersubъективность состоит в возврате к чистой метафизической структуре. С одной стороны, философия коммуникации (трансцендентальная прагматика) стремится уйти от субъект-объектной «робинзонады», лишаящей коммуникативное сообщество его человеческих черт. Вне экзистенциального измерения она превращается в утопичную схему. С другой стороны, и субъективистские установки экзистенциализма с их ориентацией на экзистенцию и ситуационность не позволяют говорить о подлинной коммуникации и исследовать ее.

Развивая отдельные положения прагматики и экзистенциализма и одновременно полемизируя с ними, мы понимаем intersubъективность как бытие-в-речи, предопределяющее «Я» и «другое» и противопоставленное сущему «Я сам» и «другой». Онтологически «Я» и «другой» раскрываются через intersubъективность. Intersubъективность – это собственный признак коммуникативного пространства, связывающего и сталкивающего множество дискурсивных единств.

4. Единые критерии согласованности речевых актов, составляющих дискурс, не выводимы из рациональности, ее многообразных типов. Разные типы рациональности формируются не потому, что они определяют сами себя таковыми из себя самих в процессе установления коммуникативного взаимодействия, и не в силу договоренности, а в силу высвечивания общих точек зрения в их предметной соотнесенности в рефлексивно-дискурсивном единстве. Дискурс является способом организации элементов коммуникативной рациональности. Критерием определения того, что «просвечивает» сквозь текст, является пропорция согласованности и соответствия. Сам по себе конвенционализм (только согласие по поводу норм) без соотнесения с

недискурсивным (с социальной реальностью) загоняет рациональность в рамки языковых каркасов.

5. Коммуникативное пространство в контексте его изменения есть соотнесение речедействий в их дискурсивной трансверсальной опосредованности. Понимание исторично и всегда связано с ситуацией, однако историчность репрессивна в той мере, в какой индивид подчиняется ей и не стремится выйти за ее границы в рефлексии. Дискурсивный выход за пределы собственной ситуации позволяет установиться рефлексивно-дискурсивному единству, в котором обретается как понимание *другого*, так и *самопонимание*.

6. Обезличенность и индивидуальность – экзистенциально дискурсивные состояния, репрезентирующие различную степень включенности в акт коммуникации. В дискурсе как речевом единстве, в котором происходит иллюкутивно-перлокутивное взаимодействие, манифестирована «срединная», опосредующая область между всеобщими законами и индивидуальными явлениями. Рефлексия как смысло-критическое различение и принятие инаковости позволяет дискурсу трансцендировать, выходить за свои пределы. Так, философский дискурс выходит на постметафизический уровень в своем собственном соотнесении с ситуацией исчезающего модерна.

7. В контексте трансформации философии и с учетом изменяющейся социальной реальности можно утверждать, что *не существует* метадискурса, который способен был бы господствовать над ансамблем социальных дискурсов, хотя это не отрицает наличие изначальной, предзаданной интересубъективной нацеленности индивидов на рефлексивное единство.

Рефлексивно-дискурсивное единство – это не поглощение, а сосуществование дискурсов в их взаимной диалогической развернутости друг к другу и смысло-критическом обращении. Признание возможности такого коммуникативного пространства, в котором идеальные правила будут соблюдаться, а истины распространяться без принуждения и целерациональной предвзятости, утопично. Более того, в контексте информационной стадии модернити такая идея может представлять угрозу «слабым», малым дискурсам, которые поглощаются коммуникативным сообществом.

8. Признание наличия разности (инаковости) как норма рефлексивности в коммуникации открывает горизонт для диалога, примирения, принятия и консенсуса. Коммуникативная модель демократического общества должна быть основана на дискурсивной этике, которая прежде всего исходит из принципа осознанной коммуникативной, небезразличной толерантности и легитимации «мирного» конфликта как диалога.

Научная новизна исследования:

1. Разработана концепция рефлексивно-дискурсивного единства, которая позволяет раскрыть принципы формирования коммуникативного пространства в контексте перехода философского знания от классического к постнеклассическому, переосмыслить пространство дискурсивности и объяснить принцип смены «картин мира».

2. Выявлено, что дискурсивно-рефлексивное единство – это измерение коммуникативного пространства. Главная его характеристика – это синтез

нового. Новое позволяет говорить о социальной полезности, эффективности коммуникации, обуславливает процессы социальной интеграции и личностной идентификации. Дискурсивная замкнутость, рекурсивность и избыточность – свидетельство неэффективных коммуникативных взаимодействий.

3. Постулируется, что в гармоничном обществе границы социального и коммуникативного совпадают. Однако современное разрастание информационного пространства ведет к возникновению коммуникативных лакун. При росте объема информации и числа коммуникативных актов количество дискурсивно-рефлексивных единств не увеличивается, а ситуаций установления взаимопонимания не становится больше. Происходит искусственное растяжение коммуникативного пространства, усиление информационного шума, что приводит к социальной дезинтеграции.

4. Установлено, что интересубъективность в коммуникативном пространстве выступает как бытие-в-речи, которое включает в себя мир сущего по мере его постижения. Из несогласованного, иррационального общего переживания мира формируется рефлексирующая интересубъективность в результате взаимной направленности на понимание. Взвешенная критическая рефлексия является условием достижения консенсуса.

5. Выявлены социальные функции дискурсивно-рефлексивного единства: генерирование прагмакогнитивных узлов; речевая артикуляция социальной практики; прагматическая дифференциация сфер социальной практики; качественная идентификация общества, манифестирующая новое, фактически выраженное спонтанное изменение; установление дискурсивных норм и правил.

6. Установлено, что одна из ключевых проблем коммуникативного пространства современности – это столкновение целерационального и ценностнорационального дискурсов. Предлагается модель лингвистически опосредованного социального равновесия, ключевыми компонентами которой являются Мы-интенция в коммуникации и единый контекст дискурса реификации. Эта модель позволит обеспечить реконструктивную логику структурного преобразования коммуникативного пространства и обусловит индивидуализацию субъектов в процессе социализации.

7. Предложена коммуникативная концепция легитимации конфликта. Она заключается в экспликации рациональной толерантности как этического принципа, который позволяет включить в коммуникативное пространство различные дискурсивные идентичности, углубить понимание демократической политики и отказаться от подавления конфликта авторитарным путем.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Диссертационное исследование представляет новое концептуальное поле осмысления социальной коммуникации в аспекте ее изменений. В работе показано, что дискурсивность выступает в качестве свободного смыслопорождения, а это значит, что она может формировать и прогнозировать и социальную динамику. Предложенная концепция дискурсивно-рефлексивного единства и соответствующий подход к изучению коммуникативного пространства позволяет применять результаты исследования для интерпретации

и характеристики современного общества, человека и познания. Полученные в диссертации данные используются для дальнейшей разработки широкого круга междисциплинарных вопросов, связанных с изучением языка и коммуникации.

В ходе исследования были переведены на русский язык и инкорпорированы в тематическое поле работы представителей французской школы дискурс-анализа (Д. Менгено, Н. Феркло, П. Коте, Ж. Гийому, А. Рабатель, Ж. Бре, Д. Винсен, К.А. Тома, В. Маго, Ж. Бюске и др.), труды в области теории дискурса и коммуникативной рациональности (П. Лубайк, С. Раменс, М. Кук, М. Айзер, М. Шиди, Б.Бенвелл, Калхун К. Компридис Н. и др.), в сфере этики дискурса и толерантности (Лахт М., М. Фокс, Р. Форст и др.).

Анализ литературы показал, что в контексте постметафизической и лингвистической трансформации философии в современных зарубежных исследованиях обнаруживается размывание дисциплинарных рамок: знание формируется на стыке социальной философии, теории языка и коммуникации, антропологии, этики, информатики.

Содержащийся в работе материал, обобщения и выводы используются автором при подготовке лекционных курсов, спецкурсов и семинаров по философии, теории коммуникации, социальной лингвистике, психологии коммуникации. Материалы диссертации служат также теоретической базой при составлении учебных пособий.

Апробация и внедрение результатов. Концепция работы и основные положения диссертационного исследования отражены в двух монографиях, пятнадцати статьях в изданиях, входящих в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата философских наук, а также публикациях в иностранных изданиях (журнал «Dialogue and Universalism»).

Отдельные теоретические положения работы обсуждались на методологических семинарах, выступлениях на Международных конференциях, конгрессах и симпозиумах: Конференция с международным участием, посвященная 40-летию КГЭУ «Навстречу XXII всемирному философскому конгрессу: переосмысливая философию» (Казань, 2008); Всероссийская научно-практическая конференция «Современные гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы» (КНИТУ, 2012); Молодежный научный форум «Ломоносов-2010» (Москва, 2010); Международная научно-образовательная конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (Казань, 2012); Всероссийский конгресс «Философия в современном мире: Диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, 2012); Международная конференция, посвященная 45-летию КГЭУ «Навстречу XXIII Всемирному философскому конгрессу: философия как исследование и образ жизни» (Казань, 2013).

Идеи диссертационного исследования прошли апробацию на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах (2013); Всемирном X конгрессе ISUD (Международного Общества Универсального Диалога) в Румынии

(2014); Международной конференции «Concerned Philosophers for Peace», которая была организована Университетом Штата Калифорния в г. Йосемити (США). Сотрудничество с профессором Вирджинского университета М. Лахтом и совместный доклад на конференции позволили привлечь внимание зарубежных коллег к ключевым положениям работы и обсудить в дискуссиях основные вопросы.

Материалы диссертации использовались автором в лекционных и семинарских занятиях по дисциплинам: «Философия», «История и философия науки», «Основы теории коммуникации», «Языковые отношения и языковая политика», «Психология массовой коммуникации» и др. в Казанском государственном энергетическом университете.

Работа была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Казанского государственного энергетического университета.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, четырнадцати параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Дискурсивно-рефлексивное единство в социальной коммуникации» коммуникативное пространство рассматривается как такое, в котором осуществляется проговаривание бытия. Отмечается, что повседневный язык позволяет в этом проговаривании не уходить дальше очевидного, открывающегося «взору» здравого смысла. Социальная трудность выхода за пределы очевидного при этом определена тем, что все объекты этого пространства зависят от коммуникативной «гравитации». Если бы ситуация с языком науки складывалась иначе, то в идеале она бы являла ситуацию ученого в тишине, который в момент озарения (еще пока не отыскав слов для того, чтобы манифестировать в символах свершившийся интеллектуальный синтез) молчит. (А.Ф. Лосев называл это состояние «умным экстазом»). В первой главе раскрывается содержание основного концепта коммуникативной онтологии – понятия дискурсивно-рефлексивного единства. Его значение как измерения коммуникативного пространства рассматривается последовательно через трансформацию знания в информационном обществе, через соотнесение с понятием социального пространства и, наконец, через реализацию в коммуникативной рациональности как нормативной его форме.

В параграфе **1.1 «Коммуникативные основания социально-философской рефлексии»** рассматриваются параметры трансформации философии в контексте лингвистического поворота и определяются коммуникативные контуры социально-философской рефлексии. Утверждается, что философская теория выводит рациональность за пределы конвенций. В постконвенциональном коммуникативном действии аргументация носит критический характер, а притязания на универсальную значимость могут быть опровергнуты. Основная претензия философской рефлексии заключается в том, что она постконвенциональна, способна преодолевать границы норм, несмотря на то, что в качестве метаязыка рефлексивности выступает язык само-

го коммуникативного сообщества. Социально-философская рефлексия – это трансцендирующий дискурс, коммуникативная природа которого манифестирована в антропологической направленности на постижение и понимание другого.

Социальные перемены коммуникативного характера сопровождаются постметафизической ревизией роли языка – лингвистическим поворотом, следствием которого стало переосмысление основного вопроса философии, замена субъект-объектной дихотомии интересубъективностью и осознание того, что основные проблемы прежнего трансцендентализма заключены в отрыве мышления от языка. Итог трансформации воплотился в прагматике Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. В проекте Апеля условием объективности норм и значений выступают интересубъективность и априори коммуникативного сообщества. Консенсус и изначально установленное понимание относительно правил использования языка и правил коммуникации представляют интересубъективный априорный синтез. Прагматика, открывающая возможности отношения не столько знака и действия человека, сколько языка и взаимодействия в коммуникативном сообществе, дополняет гносеологическую программу семантики, устремленную к поиску значений.

Семантический подход к объекту и понятию об объекте не позволяет включить систему и ситуацию в рассмотрение. Значение (отношение знака и референта) не существует изолировано, само по себе: во-первых, синтаксически оно связано с целостным знанием (текстом), а во-вторых, прагматически обусловлено действием и контекстом. У Апеля прагматическое измерение имплицитно не конвенциональную связь языка как системы знаков и сообщества, но трансцендентальную, априорную. Он предполагает наличие согласованности уже существующим в интересубъективности. Но дело в том, что понятие интересубъективности в его прагматике не эксплицировано, и сам интегративный априорный синтез как будто и не позволяет объяснить, как именно это изначально понимание установлено вне конвенций, но лишь только дает смену ориентиров с субъекта на интересубъективность.

Высказывания о состоянии дел представляют собой дискурсивное целое. Эта система соотносится с эмпирией не изоморфно, она не является ее «ментальным снимком». Если же это признать, то мы получим как минимум два недопустимых следствия: 1) система языка существует изолировано от действия и контекста и диахронически не учитывает речедействия; 2) система существует в отрыве от мышления. Соответствие и согласованность относительно значения конституируется в коммуникативном действии. Значение определяется как внеязыковыми факторами, так и коммуникативными действиями. Проблема взаимопонимания и установления единого поля значений определена способностью участников объективировать коммуникативный праксис в рефлексии. Именно в контексте исходной обусловленности рефлексии *дологическим* можно утверждать, что социальное знание фиксирует только часть опыта.

В параграфе был сделан вывод, что дискурсивное целое высказываний о мире соотносится с эмпирией не изоморфно, но гомоморфно, поскольку зна-

чения не изолированы от действия и контекста. Однако из этого не следует, что достижение согласованности относительно значения и установление соответствия высказывания и референта невозможны. В речедействии участники коммуникации достигают дискурсивного единства, которое позволяет преодолеть неопределенность референции. В целом любое знание является социально обусловленным, поскольку оно детерминировано как экстралингвистическими факторами и контекстом, так и коммуникативной практикой.

В параграфе 1.2 «Социальное знание в коммуникативном пространстве» показано, что объективное социальное знание – это выраженная в действии, повторяющаяся в дискурсивной схематике соотнесенность с контекстом. Социальное знание формируется в коммуникации и не может существовать до или вне границ дискурсивного пространства, в котором это действие осуществлено. Воздействие на человека накопленных обществом знаний объясняется не тем, что они существуют как гипостазированная сфера «третьего мира», но тем, что в речевом акте как артикуляции дискурса реализуется перлокутивное воздействие. Дискурс как спаянность текста и контекста (внеязыковой действительности) представляет собой среду социальных схем и норм.

Концепция социального знания строится на основе переосмысления известного тезиса К. Поппера об объективности третьего мира. В работе утверждается, что такая позиция приводит к разделению сознания и речевой деятельности. Поппер считал, что критика изменяет мир, и в то же время отделял ее от этого мира, превращая язык в абстрактную вневременную структуру: область значений языка (результат критики) находится в отрыве от речи (самой критики, процесса выявления противоречий и предъявления доказательств ошибочности). Но ведь процесс критики – это и есть речевой акт.

Концепция объективного знания Поппера основана на идее, что *значение* зафиксировано в *языке* (а иначе где же еще оно может быть закреплено?), но вне конкретного речевого акта. Решение проблемы статуса сферы значений связано с решением вопроса о степени влияния на объективное значение прагматических характеристик речевого акта: ситуации, действия, фонового знания и других факторов контекста. Если «вечерняя» и «утренняя звезда»¹⁴ имеют разный смысл, то почему не может быть разного смысла у «утренней звезды», о которой говорят разные люди в разное время в разных странах?

Единое знание контекста, представленное как текст, – это необходимый элемент дискурса, который, будучи артикулированным в речевом действии, представляет собой этот объективно существующий мир. Однако пока он существует в сознании одного, он субъективен. *Результат воздействия*, обеспечивающий объективность, – это перлокутивный (послеречевой) эффект включенного в дискурс знания о контексте. Он проявляется помимо тех перлокутивных актов, о которых говорил Дж. Остин. Знание является частью системы (оно может быть обосновано и внелогическим образом), так же как научная теория является результатом взаимодействия ученых, а не только

¹⁴ Фреге Г. Логика и логическая семантика. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 231

следствием опыта и воображения. В континууме знания одна гипотеза представляет собой лишь «точку», пункт, вписывающийся в «языковую картину» и связанный с целым, с имеющейся системой теорий.

Можно утверждать, что идея универсального языка как результата, имеющего инварианты, в контексте речевого порождения становится уязвимой, поскольку этот результат содержит таксономически ограниченное количество единиц (связанных с категориями мышления, например). Таким образом, объективные знания существуют только 1) как комплексы связанных между собой значений, 2) в самом речевом действии, 3) в рамках коммуникативного сообщества. Объективное значение может артикулироваться лишь в самом процессе коммуникации. Образование этих общих смысловых узлов и их закрепление происходит в интерсубъективности. Отдельно взятая кодифицированная система языка – абстрактна, самостоятельно она жить не может. Для того чтобы «жила» сфера значений, выраженная на этом языке, необходимо стремление носителей использовать эту систему. Значит, артикуляция знания, его осуществленность в речевом акте и есть свидетельство его объективности.

В параграфе **1.3 «Дискурсивно-рефлексивное единство как социальное измерение»** коммуникация рассматривается как ключевой процесс связи социальных объектов. Подлежащим (что?) этого действия является интерсубъективность, изначальная экзистенциальная речевая интенция на *другое*. Устанавливается, что социальность обусловлена коммуникативностью, то есть социальное пространство как среда существования общества и реализации социальных практик невозможно вне времени коммуникации. Неслучайно в прагматике и критической социальной философии основанием общества выступает коммуникация, а не институты или системы. Разнородность, многомерность социального пространственно-временного континуума практик и отношений не выводимы из гетерогенности коммуникативного пространства, но во многом могут быть объяснены через его атрибуты. Так, в коммуникативном пространстве самоидентификация индивида имеет дискурсивную определенность. Дискурс ориентирует и располагает индивида в пространстве, выступая в качестве системы координат.

Схематика дискурса с одной стороны обусловлена самим фактом повторяемости социальных связей, с другой – с фиксацией социальной эмпирии в тексте, имеющем сценарий привычных событий. Социальное знание в коммуникативном пространстве представляет собой комплекс связанных значений, который присутствует в самом речевом действии в рамках коммуникативного сообщества, причем объективация его реализуется в коммуникативном акте. Артикулированное в речи знание, можно сказать, проходит через «фильтр» его соотнесения с контекстом. Дискурс – это выход на уровень познавательного праксиса, установления иллюкутивно-перлокутивной связи в коммуникативном сообществе. Использование языка (причем это касается как сферы науки, так и сферы повседневности) было бы безрезультатным, бесполезным, если бы язык не сохранял постоянство, позволяющее передавать смысл. Одно поколение не смогло бы понять другое поколение, если бы

не существовала стабильность истолкования реальности и постоянство семантической структуры.

В коммуникативном пространстве укореняются жизненные практики, структурированные, как будет далее показано, ключевыми взаимосвязями контекста и коммуникативных действий. На фоне постметафизической трансформации философии очевидным становится тот факт, что интересующая значимость науки в коммуникативном пространстве не означает теоретического единства системы научного знания и тем более не означает того, что, будучи встроенной в жизненный мир, отдельно взятая наука включена в тотальный дискурс. Соответственно, дискурс конкретной науки – это выражение в речи (рассуждении) взаимосвязи общих знаний контекста и коммуникативно-познавательных действий в той части реальности, к которой контекст отсылает. При этом имеются в виду именно ключевые взаимосвязи, которые структурируют коммуникативную практику.

Так, если перевести рассуждения в плоскость повседневного, этот механизм можно сравнить с тем, как влияет конфигурация смыслов русского языка на концептуализацию социального опыта. Русская «тоска» (сложно переводимое понятие, которое определяет специфическое душевное состояние), русское «заодно», с помощью которого говорящий рационализирует прилагаемые усилия («Раз уж я пошел, то заодно и это сделаю») – примеры семантически организованного жизненного пространства. Человек не может быть частью всех дискурсов одновременно, но интердискурсивная среда формирует так называемую макроорганизацию дискурсов, инкорпорированную в язык. Этот лингвистически опосредованный общекультурный дискурс может определять жизненные интенции человека.

В лингвистике прижилось понятие «языковая картина мира»¹⁵, но оно не передает коммуникативной природы процесса выражения мысли. Дело не только в том, что «картина» делает невозможным перевод с языка на язык (термин в первую очередь возвращает нас к теории лингвистической относительности), но в том, что «картина» указывает на то, что носитель видит мир определенным образом. Следует полагать, что он его *не видит таким*, он в нем так коммуникативно действует; для указания на эту практику уместно использовать термин *дискурсивное единство*.

С целью репрезентации коммуникативно-познавательного выхода на метауровень вводится понятие *дискурсивно-рефлексивное единство*. Оно обозначает коммуникативное взаимодействие, которое представляет собой измерение коммуникативного пространства и в результате которого устанавливается единство значений, осуществляется взаимопонимание и самоосмысление. Термин «дискурсивно-рефлексивное единство» и стоящая за ним категория выводит нас на новый уровень понимания коммуникативного пространства – социально-философский, на котором исследователь дискурса,

¹⁵ Селеменева О.А. Формирование концепции языковой картины мира в работах отечественных и зарубежных лингвистов конца XVIII – начала XX века. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 130-134.

пользуясь методом интерпретации, выявляет основание речевых актов, вскрывая рефлексивное единство дискурса. Это позволяет найти за различиями единое внекоммуникативное основание.

Дискурсы могут дополнять друг друга, вступать в диалог, конфликтовать, то есть самоопределяться в процессе взаимодействия. В результате язык, как инструмент коммуникации, встраиваются коммуникативные события, конституирующие дискурсивное единство. Русский, с детства овладевший французским, вполне может в своей «необъяснимой русской тоске» четко осознавать отсутствие чего-либо (*il me manque*) и, соответственно, восполнять его, то есть переживать тоску не по-русски. Нет изоморфизма отдельно взятого знания и отдельно взятой части реальности: действие инкорпорировано в контекст.

Презентизм точки зрения, историческое определение через призму принятого правила проявляется тогда, когда индивид, подчиняясь дискурсивной норме, оценивает нечто как правильное с позиции «сейчас». На основании этого был сделан вывод о том, что понимание другого, как и самопонимание, возможно в осуществлении герменевтического выхода за пределы собственной ситуации в дискурсивно-рефлексивном взаимодействии. Если рациональность (способ мыслить) замыкается на норме, остается вне дискурсивной интеракции, пребывая в рамках своего измерения, она утрачивает в результате способность самоопределения.

В параграфе 1.4 **«Дискурсивный порядок коммуникативной рациональности»** выявляется особенность связи коммуникативной рациональности и дискурса. В параграфе ставится задача изучить дискурс как способ организации элементов коммуникативной рациональности. С этой целью производится кларификация понятия «дискурс» и выявляются внутренние противоречия дискурса: одновременная реализация его как длительности и завершенности коммуникации, регламентирующей нормы и события. Дискурс – это порядок речевого действия в конкретном контексте, рассуждение, правила которого продиктованы коммуникативными условиями. Он погружен в жизненный мир, и общие семантические узлы каждый раз смещаются в зависимости от конкретного речевого события, уникальной связи языка и контекста.

Субъективно закрепленное в сознании говорящего знание о контексте диктует выбор речевого средства, однако дискурс в преломлении речевого события никогда не равен самому себе. Он есть и правило, и нарушение этого правила. Значение объективируется в конкретно-речевом использовании. В параграфе отмечается, что словоупотребление (речевое использование языка), как и сама коммуникация в целом, не может быть эксплицировано как акт по передаче информации, как передача объективно существующих данных о чем-либо, которая никаким образом не соотносится с внутренним миром коммуникатора. Пусть она и приоткрывает завесу внутреннего мира участника коммуникации, она не объясняет возможность установления взаимопонимания (людей) и понимания мира.

Рациональность не встроена в природу знаковых систем, но формируется в процессе нацеленности индивида на понимание и взаимодействие с помощью знаков: сам язык и его артикуляция в речевых актах и есть то, что создает пространство коммуникации. Дискурс является *порядком организации речевого действия в социальном контексте*. Это значит, что контекст есть элемент дискурса. Спаянность речедействия с контекстом образует сложную сферу, в которой языковая и внеязыковая среда проявляют взаимопревращаемость. Вместе с тем, нельзя сказать, что контекст является *сущностью* дискурса. Дискурс представляет собой единство: 1) внеязыкового контекста, «наличной» социальной действительности; 2) знания о действительности, лингвистически организованной как текст; 3) речевого акта. Внеязыковая среда как дискурсивный контекст, в отношении которого или в условиях которого осуществляется действие, представляет собой тему или содержание сообщения, понятное лишь при наличии данного объективного факта или лингвистически оформленного знания как порядка взаимодействия с этим контекстом.

Дискурсивное отношение контекста как внешнего элемента рациональности и мотивов говорящего как внутренней ее составляющей устанавливается в действии и определяется тем, что индивид соотносит с ними свою активность. Отличие коммуникативной компетенции от лингвистической заключается в том, что субъект демонстрирует в речи знание внеязыкового характера и соотносит построение предложения и текста со знанием о реальности, включающей социокультурный контекст. Овнешнение смысла в процессе коммуникации, переход его из сферы внутреннего переживания в пространство взаимодействия осуществляется на основе уже состоявшихся интеракций, посредством которых индивид способен рефлексировать над значениями и способом применения выражений. Все это свидетельствует о том, что дискурс – это конститутивный феномен в структуре коммуникативной рациональности.

Во второй главе «Коммуникативное пространство как экзистенциальный модус» понятие коммуникативного пространства эксплицируется через интегративные категории интерсубъективности и понимания. В данной главе ключевые понятия коммуникативной онтологии как учения о коммуникативных аспектах бытия – а это «дискурс», «интерсубъективность» и «понимание» – изучаются в контексте социальной практики. Устанавливается, что время – это структура понимания в аспекте экзистенциального присутствия, в котором бывшее человека является одним из коммуникативных событий, конституирующим настоящее. Бывшее как экзистенциальный опыт представляет собой внутреннюю традицию. Коммуникативное прошлое (или бывшее) – это темпоральная точка со-бытия-в-речи.

Внутреннее экзистенциальное пространство бытия-самим-собой обнаруживает себя в пространстве речедействия, бытия относительно *другого*. Таким образом раскрывается историчность субъекта, в которой ключевой характеристикой является память. Понятость как предварение текстовой законченности конституирует смысловое единство. Если коммуникация не завер-

шена и нет истолкованности со-бытия, то присутствие осознает ответственность перед другим присутствием. Ответственность, таким образом, определяется как ожидание завершения истолкованности.

В параграфе 2.1 «Дискурс и проблема внутреннего пространства» показано, что понимание самости неотделимо от переживания себя как части сообщества в конкретной исторической ситуации. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что позиция того, кто бытийствует, определяется процессом рефлексии и интерпретации. Был сделан вывод о том, что неосознаваемые условия действий человека формально закреплены на дискурсивном уровне, и для говорящего выражать не всегда значит осознавать. Речевой акт – это не только высказывание. Например, фраза «Я голоден» в контексте условий существования детей-сирот в российских реалиях зачастую отсылает не к голоду как физиологической потребности, но к факту депривации, то есть психическому состоянию ребенка без родителей. Дискурс ограничивает и повелевает в том, что он является привычной *схемой* отношения с ситуацией и контекстом. В речевом акте, конкретно-речевом осуществлении дискурса, выражена основная его характеристика – повторяемость (то, что Бурдье понимал под организующим принципом, определяющим социальную практику).

Самость (сам как ὁμός – равный [себе]) не может проявиться через фрагмент расщепленного Эго, – предположим, через повторяющееся повседневное действие. Рутинное действие в его объективации, если сказать в терминологии раннего Маркса, является «отчуждением», «выключением из действительности»¹⁶ переживания мира индивидом. Иначе говоря, осуществление социальной практики еще не говорит о том, что актер свободен и равен самому себе. Тождество самости не может установиться само собой, если только не мыслить «Я» как ядро деятельности, как то, что предъявляет себя трансцендентально.

Вопрос о том, кто бытийствует, связан с вопросом о том, каким образом он интерпретирует свою историю, и, следовательно, насколько успешно он может от нее отстраняться. Можно сказать, что субъективность – это результат рефлексии в коммуникации, которая позволяет интерпретировать свои действия и смыслы. Иначе говоря, проблема субъекта дискурса – это проблема говорящего себе свою историю. Для раскрытия отношения субъективности и дискурса определяется, каким образом в горизонте языка человек, будучи «заброшенным» в мир значений, проявляет себя как «Я-говорящий», а не как лишь носитель чуждого смысла, вытесняющего собственное, «подлинное» бытие. Проблема потери или забвения самости в пространстве навязанных иррациональных, доминирующих дискурсивных структур – одна из наиболее обсуждаемых тем философствования прошлого столетия. «Ман» М. Хайдеггера, «одномерный человек» Г. Маркузе, «смерть субъекта» постмодернистов указывают на масштабность проблемы и различные в методе-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517-643. С. 561.

логическом и концептуальном плане стремления найти подходы к ее решению.

Способ расположения бытия-самим-собой в пространстве речедействия относительно другого – это историчность субъекта, которая позволяет говорить о памяти как о его сущностной характеристике. Одна из генеральных линий саморепрезентации в памяти – это противопоставление Я и не-Я, или Я и другой, лакановский «зеркальный образ». Стоящий по ту сторону коммуникации участник является свидетелем «Я», которое сталкивается с неизбежностью приговора (а точнее приговора в коммуникации) к отражению себя самого в глазах других. С другой стороны, другие губительны для «Я», поскольку (используем здесь язык Хайдеггера) «по-падая» в рутину повседневности, человек отрекается от самости, распадается, фрагментируется. Таким образом, то, что могло стать путем к рефлексии и самопониманию, становится причиной расщепления субъекта.

Герменевтические процедуры предполагают, что субъект должен овладеть знанием более широкой значимости или дистанцироваться от культуры для того, чтобы понять ее и себя. Действительно, смысло-критическое различение предполагает отстранение, трансцендентную по отношению к дискурсу позицию, представляющую собой либо выход за пределы языка, либо такую рефлексию, которая будет осуществляться вне правил. Если индивид обретает социальные характеристики, пусть даже они дают ему возможность выделиться в ряду других, это значит, что он встраивается в определенный порядок отношений и дискурсивных правил, которые и позволяют указать на эти персонифицированные качества. Соответственно, деиндивидуализация (к которой призывал М. Фуко в контексте освобождения от дискурса власти) сопровождается восстанием против порядка и норм дискурса; вместе с тем, она усиливает проявление социальной аномии.

Дискурс интерсубъективен, он не терпит субъективности, поскольку возникает в интеракции, речедействии, пусть даже толчком к возникновению и была какая-то авторская идея. Дискурс нейтрализует субъективные характеристики речевого акта и оставляет только присущие многим. Следовательно, он ограничивает и повелевает, поскольку является схемой уже открытого для человека отношения с ситуацией и контекстом. Представляя собой правило, он в то же время может изменяться и трансформироваться в другой дискурс.

На основании сравнительного анализа социологической концепции дуальности структуры и субъекта, с одной стороны, и постструктуралистского понимания интертекста – с другой, установлена следующая последовательность переkreщиваний: интерсубъективность – субъект – интердискурсивность – дискурс-субъект. В этом взаимопревращении субъекта и дискурса, на наш взгляд, демонстрируется историчность коммуникативного пространства, в котором объективация значений в конкретных речедействиях образует дискурс-субъект, а рефлексивный характер интерсубъективных взаимодействий формирует субъективность индивида как историю интерпретации самого себя.

В параграфе 2.2 «Интерсубъективность как бытие-в-речи» показано, что интерпретация интерсубъективности в рамках коммуникативной онтологии как бытия-в-речи, совместного переживания мира в коммуникации позволяет выявить ее структуру и обосновать коммуникативную природу рациональности. При этом мы исходим из положения, что интерсубъективность неотделима от жизненного мира, горизонта повседневного опыта, в который изначально погружен язык. Прослеживается линия понимания интерсубъективности как основы структуры бытийности в категориях «бытие-друг-с-другом» М. Хайдеггера, «Mitweltlich» Л. Бинсвангера, «интерсубъективность» К. Хюбнера и «притязания на значимость» Ю. Хабермаса.

У Гуссерля интерсубъективность сводится к субъективному ноэтическому акту переживания *другого*, в конечном счете – переживания сообщества, но не определяет саму природу межсубъектной связи. Коммуникация в этом контексте представляет собой только передачу переживаний с помощью знаков. Очевидно, что знаковый характер интерсубъективной связи не приводит к пониманию, а, скорее, уводит от него, поскольку взаимопонимание распадается на говорение коммуникатора (связывание актов придания смысла со знаками) и слушание коммуниканта. В результате *субъективность смыслодающего акта* у Гуссерля *первична* по отношению к языковой интерсубъективности, а взаимопонимание представляет собой передачу и декодирование сигналов переживания. Таким образом, интерсубъективность Гуссерля сводится к созерцанию другого, согласованному *переживанию другого «Я»*.

В параграфе подчеркивается, что опыт в феноменологии значим именно с точки зрения его действительности, в том числе и опыт переживания другого. Из этого мы выводим важное положение: жизненный мир как совокупность повседневных практик конституирует *общность опыта в отношении объекта*, который становится внутренней, включенной в интерсубъективную сферу трансцендентностью. Вместе с тем, изменения жизненного мира ставят под вопрос возможность согласованности.

В коммуникативной онтологии это затруднение преодолевается посредством определения интерсубъективности как такого бытия-в-речи, в котором из неопределенного, несогласованного, иррационального общего переживания мира формируется рефлектирующая интерсубъективность в результате взаимной направленности на сам процесс установления понимания в дискурсивных практиках. При этом согласованность, взаимные уступки с апелляцией к лучшему аргументу, взвешенная критическая рефлексия являются условиями достижения консенсуса (мы не исключаем, что такой установки может и не быть, поскольку стремление к установлению согласия – не атрибут понимания).

Повседневное бытие-в-речи может представлять собой и нерефлексирующую интерсубъективность. Схожим образом Хайдеггер характеризует падение присутствия в мир. В основу экзистенциальной аналитики положено известное утверждение о том, что присутствие человека онтически является самым близким, а постижение этого присутствия требует интеллектуального

лифта и, следовательно, является онтологически далеким. Однако переход от «наличного» бытия к универсальному совершается опять же через сосуществование, общее «со-присутствие» с другим.

Подчеркивается, что взаимопонимание, раскрывающееся в горизонте интерсубъективности, возникает не просто как единство переживания мира, но и как семантическая корреляция. Неслучайно одним из наиболее распространенных истолкований интерсубъективности является общезначимость, приемлемость значений коммуникативным сообществом. Немецкий философ Курт Хюбнер приравнивает к интерсубъективности рациональность, трактуемую как общезначимость правил, причем правил не только науки, но и мифа. Рациональность в таком преломлении – это форма интерсубъективного обоснования (*reasoning*), которая может конституироваться как на семантическом единстве, так и на однозначности истолкования эмпирических фактов и фрагментов практической деятельности.

Миф не менее ценен, чем наука, однако для того чтобы обрести статус рационального, мифу недостает итерации: многократной дискурсивной сверки, многократного просеивания и прохождения через «игольное ушко» интерсубъективных корреляций в отношении переживания мира. При этом если рациональное всегда коммуникативно, то коммуникативное не всегда рационально. Коммуникативная рациональность предполагает минимальный (достаточный для осуществления речевой коммуникации) уровень понимания и консенсуса в отношении объекта, тогда как формы коммуникативной иррациональности не объяснимы, понятийное понимание в них заменяется вчувствованием, озарением, интуицией и пр.

Смысловая интерсубъективность формируется в коммуникативной соотнесенности выражения, жизненного мира и акта переживания *объективного* участниками общения. Коммуникативный «горизонтальный» вектор интерсубъективности в процессе рефлексии и обращения с вещами начинает демонстрировать ее «вертикальный» вектор – переживание мира. Интерсубъективность не исключает мир сущего, но включает по мере его постижения. Жизненный мир – это дискурсивная «нагруженность» интерсубъективности, а мир сущего – это то, что совместно переживается в интерсубъективном.

В предложенном способе рассмотрения бытия с позиции коммуникативной онтологии конститутивным элементом является интерсубъективное. Отличие его как сущего в том, что оно существует как *бытие-в-речи*, в котором «Я» может быть самим собой («быть своим бытием») или не быть им. В коммуникации это выражено в том, что индивид следует априорному принципу отказа от личных притязаний ради общезначимых. «Я» и «другой» раскрываются через интерсубъективность как первичную нерасчлененность. Рациональное в интерсубъективности формируется в процессе коммуникации при условии обращения индивидуумов к критической рефлексии и их нацеленности на достижение согласия.

В параграфе 2.3 «Понимание как коммуникативное событие» раскрывается содержание понятий «понимание» и «предпонимание» как экзистенциальных феноменов со-бытия коммуникаторов и определяется онтиче-

ская структура понимания. Одним из важнейших понятий в аспекте историчности смыслополагания выступает категория события, которая позволяет рассмотреть понимание как открытость бытия. В коммуникации событие манифестирует длительность и различие, границу между внутренним и внешним присутствия. Бытие показывается, проявляется, дает себя высветить в коммуникации и обращении с языком. Можно утверждать, что интерпретация и понимание сущего реализуется только в коммуникативном сообществе. Событие (или *со-бытие*) предполагает направленность на речь как на путь интерперсонального взаимопонимания и истолкования всего существующего, составляющего жизненный мир человека. В *со-бытийности* понимания преодолевается разрыв между субъектом и другим субъектом как объектом.

Высвечивание бытия конституируется в проговаривании присутствия для другого с намерением раскрыть для него смысловое содержание (дефисное отделение части корня *со-* подчеркивает момент осознания событийного единства смысла) в коммуникации. Согласно основополагающему принципу трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля, который принимается в работе в качестве исходной позиции коммуникативной онтологии, intersубъективность сознания детерминирует понимание и является его предпосылкой.

В параграфе показано, что до формирования прагматических коммуникативных норм в intersубъективности происходит разворачивание понято-сти – процесс перехода от интуитивного постижения бытия-в-мире к регулятивным структурам. Понимание в качестве коммуникативного события представляет собой открытость бытийной границы через коммуникацию, совместное бытие интерпретатора и объекта в условиях intersубъективной значимости и единства коммуникативных правил. Принимается установка Гадамера: объект понимания – это не смысл, который вложил в текст его автор, но тот денотат, предметное содержание и «суть дела», с экспликацией которых связано языковое взаимодействие.

У понимания и познания разные векторы. Понимание не заменяет подлинное познание, оно является способом бытия, предполагающим *со-бытие* как границу. Через онтологизацию понимания происходит отказ от картезианской гносеологической модели и принципа субъективности как теоретического эпистемического единства, рациональной непрерывности, которая противопоставлена объективному миру и в которой познающий изолирован от практической деятельности в социальной реальности.

Смыслополагание как длительность перестает быть историей одного сознания. Intersубъективное бытие-в-речи феноменологически себя обнаруживает как мир взаимодействия. Герменевтическая феноменология выполняет функцию структуры социального взаимодействия. В интерпретации мотивов действия другого индивид исходит из очевидной данности его поступка. Все, что есть в речедействии, «Я» воспринимает как наличное и в естественной установке относит такое же восприятие другому.

Экспликация коммуникативного взаимоупорядочивания, конституирующего социальное взаимодействие (мы это определяем как структуру коммуникативного пространства) и постановка вопроса о понимании и ис-

толковании в дискурсивном пространстве упирается в вопрос о предельных основаниях понимания. Если раскрытие смысла трактовать как проникновение в мысль автора, то смысл должен рассматриваться как самотождественный – в таком случае у смысла нет развития, и он замирает, как платоновская идея. Вместе с тем, дискурсивность – это автохтонная среда дискурсов, среда свободного смыслопорождения и смыслораскрепощения. Такой остановки, стабилизации в платоновском смысле здесь быть не может.

На основе посылок экзистенциальной герменевтики, конституирующей понимание в предпонимании, сделан вывод о том, что набросок смысла в герменевтическом круге – не субъективное предварительное представление, которое имплицитно подразумевает понимание текста. Предпосылкой понимания выступает в таком преломлении языковое интерсубъективное единство. Понимание позволяет нам видеть историю, проследить взаимосвязь событий, поскольку история, или, (как Гадамер говорит), предание, инкорпорированы в бытие-в-речи. Язык является социальной памятью общества, а темпоральность коммуникативного пространства конституирует ее целостность.

Утверждается, что восприятие времени – это структура понимания. Ее элементы, а именно *бывшее* как коммуникативный опыт (предпонимание), актуализированное *настоящее*, а также *предвосхищение* понимания (Гадамером «предвосхищение завершенности») могут быть рассмотрены только в аспекте «моего» прошлого, настоящего и будущего. Понятость как текстовая завершенность конституирует смысловое единство. Это означает, что понятое становится бывшим и встраивается в структуру понимания как предпосылка следующего коммуникативного события. Непонятое устремляет бытие в будущее. Если диалог не завершен, если истолкованности события нет, то «Я» осознает ответственность перед *другим*. Ответственность – это ожидание завершения, а «мое» чувство ответственности – направленность на понимание.

В третьей главе «Opus operatum и modus operandi коммуникации» социальная практика и связи, действия и принципы коммуникативного пространства рассматриваются в их единстве. Эксплицируется категория историчности как свидетельствования событий в дискурсивно-рефлексивном единстве, раскрываются понятия коммуникативной рациональности и трансдискурсивности.

Структурный и индивидный уровни коммуникации изучаются через призму встраивания классической категории «рациональность» в контекст постнеклассической философии. Особое внимание уделяется изучению коммуникативной формы рациональности. Для объяснения изменчивости коммуникативного пространства выявляется, как и в чем проявляются трансформации в практике дискурса. В главе также рассматриваются дискурсивные практики современности, манифестируется характерная особенность пространства модернити и прослеживается процедура формирования коммуникативных норм. Устанавливается, что коммуникация не может являться закрытой системой (в терминах социологии Н. Лумана), поскольку она определяется как темпоральный переход из интериоризированного пространства

во внешнее пространство событийного взаимодействия в аспекте порядка дискурса.

Параграф 3.1. «Пространство-время в аспекте средств коммуникации» посвящен изучению темпоральных аспектов речи и рассмотрению средств изменения intersubjectивности. Экспликация эффектов времени бытия-в-речи – повторов и парадоксов коммуникации – высвечивает противоречия, возникающие между коммуникацией как системой (устойчивой целостной взаимосвязью элементов) и коммуникацией как действием, самоосмыслением присутствия.

Появление цифровых медиа повлекло изменение пространственной и темпоральной размерности общественной жизни. Приватное пространство превратилось в публичное, публичное – вторглось в приватное; при этом плотность информационного пространства настолько высока, что содержание перестает иметь существенную значимость. В сфере коммуникации связь движения и последовательности переходов от одного качественного состояния общества к другому неоднозначна. С одной стороны, увеличение скорости информационного обмена (передачи сообщения от отправителя к получателю) в период распространения книгопечатания в эпоху Возрождения подтолкнуло научно-техническую революцию, ускорило социально-экономическое развитие общества. С другой стороны, восприятие информации вследствие уплотнения и расширения пространства спровоцировало нарушение культурного равновесия.

Знаковые системы выступают одновременно как системы репрезентантов и как медиаторы. Внутренняя дифференциация значения понятия «средство» кроется в истории семантики слова. В начале XVII века сложились два разных гнезда значения. Первое отсылает к понятию «связывающий две вещи», «посредник». В другой области смысла референтом «средства» является «то, что служит для достижения цели». Двойная природа смысла характерна для современной семантики слова в его значении «средства массовой информации» и «языковые средства» (аристотелев «третий человек» в этом ряду не учитывается).

Коммуникативные символические средства представляют собственную деятельность человека, и опосредование – только одна из функций, которые они выполняют, наряду с гносеологической, фатической, экспрессивной и др. Технические медиа в свою очередь играют только роль ретранслятора, процесс кодирования и декодирования которого состоит в переводе уже семантически и синтаксически организованной последовательности и совокупности единиц кода в другой код.

Утверждается, что при отсутствии смысла социальное время останавливается. Коммуникативный парадокс, когда связь есть, а смысла нет, представляет собой антикоммуникативный объект, растягивающий пространство речи. Время как экзистенциальная основа оказывается дискурсивно измеримым. «На выполнение этой работы у меня нет времени», «ты теряешь время», «я упустил свое время», «время ушло, изменить ничего нельзя» – все эти метафоры повседневной семантической упорядоченности жизненного мира

говорят о том, что темпоральное восприятие и рассуждение индивида связаны с представлением об эффективной или неэффективной коммуникации. Даже если *речь идет* о тщетности некоммуникативных действий (турист сбился с маршрута и вышел на неверный путь, потратив лишний час), целеполагание и оценка результата дискурсивны. В этом случае система, символически представленная в коммуникационном пространстве в виде сообщений, оказывается изолированной (в лумановском смысле) от действий индивида. Это выражено в первую очередь во временном разрыве: система, независимо от оценки участников коммуникации, воспроизводит себя на макроуровне, но на микроуровне изменения могут не происходить.

Можно согласиться с Луманом в том, что независимо от содержания сообщения, желаний индивида и его коммуникативной компетенции, бинарный код (да/нет) позволяет распознавать непонятую информацию и отправлять сообщение заново. Вместе с тем немецкий социолог, определив систему коммуникационных селекций как полностью закрытую, не рассматривает саму последовательность «сообщение – информация – понимание» с позиции эффективности. Получается, что эта закрытая система подобна вечному двигателю. Однако можно представить условия, при которых процесс коммуникации перестанет порождать свои элементы, утратит автопойетические ресурсы.

Экстериоризация, расширение пространства человека происходит за счет средства. Оно не существует само по себе, вернее, существует не просто как один из элементов в комплексе сущего (нельзя сказать, что жесты существовали сами по себе отдельно от действий человека, но каким-то образом с ними соотносились). Так же, как работа отсылает к какому-либо инструменту и обнаруживает его соотнесенность с другими объектами и с самим действием, коммуникация, со своей стороны, позволяет обнаружить возможность использования чего-либо как медиатора. Таким образом, средство (материальный носитель) понимается не как нечто, стоящее между языком и реальностью, не как схема и структура реальности, но как инструмент в аспекте его общественных эффектов, с помощью которых координируются действия и изменяются реалии. В этом смысле «нулевая степень» в большей степени присуща разговорному языку, нежели контекстуально детерминированному письму.

Ориентиры современной прагматики предполагают интеграцию действия и письма посредством прагматически трансформированной идеи печати, фиксирующей реальность, в идею новых медиа-технологий. В результате реализуется проект активно изменяющейся? медиакультуры, опосредующая организация которой открывает возможности для прагматизации использования средств коммуникации. В частности, идея трансверсальности медиа (поперечного, перпендикулярного движения по отношению к направлению распространения) в аспекте темпорально-пространственной коммуникативной связи позволяет в какой-то мере переосмыслить идею коммуникативной рациональности, посягающей на право другого быть другим. Проект поперечных связей дискурсивных множеств представлен в концепции трансвер-

сальности. Трансверсальность обозначает факт существования связи в неоднородности, возможности наличия единства без отрицания множественности.

Таким образом, трансверсальность и темпоральность дискурса определяются через его событийный характер, поскольку дискурс актуализируется во взаимодействии индивидов, их со-бытии в речевом акте. Речевой акт на его локутивном, иллюкутивном и перлокутивном уровне осуществляется как медиация; таким образом, средство (здесь этот термин берется в расширительном значении) имплицитно подразумевает последовательность изменений со-бытия. Медиатор – это коммуникативный объект, детерминирующий время коммуникации.

В параграфе 3.2 **«Историчность в дискурсивно-рефлексивном единстве»** принцип изменения дискурсивно-рефлексивного единства рассматривается как устойчивая связь и последовательность речевых актов, слитых с контекстом. Устанавливается, что историческое свидетельство возникает в лингвистических интеракциях. Изучается специфика связи иллюкутивных и перлокутивных моментов речи, которые отражают механизм образования в процессе коммуникативной практики семантических узлов, темпорально сцепляющих коммуникативные события.

Постановка вопроса о корреляции темпоральности и коммуникативного пространства выводит на проблему критерия подлинности исторического, субъекта исторического и требует ответа на вопросы: «было ли?» (факт языкового указания) и «было для кого?» Относительно чего, какого настоящего это прошлое является именно реальным прошлым, которое предваряет будущее и содержится в нем как его пусть несущественное, но встраивающееся в одну или несколько временных линий звено. История отсылает к контексту, но очевидно, что понимание контекста затруднено различным его прочтением и интерпретацией.

История в контексте разрастающегося информационного пространства обретает всю большую многомерность и одновременно рекурсивность. Если в традиционных обществах настоящее измеряется дискурсом прошлого, то в инновационных обществах историчность мыслится через отношение с будущим. Речь в данном случае идет не только и не столько об интерпретации происходящего в рамках какого-либо дискурса, но о том, что именно эта дискурсивная сфера и является реальным истолкованным бытием, свидетельствующим (вписывающим в историю) свою подлинность. Однако еще более важным является вопрос об интердискурсивном пространстве и о возможности рефлексии, самоосмысления, исторической самооценки коммуникативного сообщества в диалоге и взаимообращенном истолковании. Актуальная сегодня проблема все большего антагонизма Востока и Запада – это проблема самосознания.

С другой стороны, если самоосмысление происходит на границе дискурсов (с общим контекстом, но разными знаниями об этом контексте) и между людьми происходит лингвистически опосредованное взаимодействие, то образуется интердискурсивное пространство, которое позволяет общности

рефлектировать и исторически свидетельствовать свою идентичность, что и было предложено называть дискурсивно-рефлексивным единством.

Нельзя утверждать, что дискурсивно-рефлексивное единство возникает на любой пограничной территории. Факт невозможности сию же минуту сопоставить и сблизить самосознания определяет и невозможность единой памяти, а значит, и общей истории. Вместе с тем дискурс в его темпоральности не является застывшим прагмакогнитивным полем – в нем самом скрыты разности. Теория речевых актов показывает, каким образом взаимодействие дискурсов может обусловить рефлексивность и историческое самоосмысление. Иллокуция и перлокуция выражаются в глаголах «настаивать» и «убеждать». Дискурс в этом смысле как целое речевых актов является своим будущим, однако цель в коммуникации не всегда достигается (а результат воздействия не всегда ожидаем и соответствует намерению).

Историчность дискурса, проявляющаяся в соотношении его изменения и его настоящего, отлична от историчности экзистенции. Историческое отношение существа к самому себе основано на преданности «Я» своей основе, памяти. Экзистенция раскрывается через историчность. В дискурсе же историчность выступает зачастую как изменение смысла через обращение к другому: прежде всего потому, что здесь мы изначально вообще избегаем понятия «Я» и говорим об интерсубъективности как о том, что является предопределяющим формирование «Я» и другого. Дискурс – это пульсация текста–контекста–речедействия, обладающая устойчивыми признаками. Для понимания речевого действия необходимо учитывать личные внутренние мотивации и цели, характер иллокуций и перлокуций, поскольку намерение и реакция – это те внеречевые дискурсивные образования, которые влияют на процесс рефлексии и исторического самоосмысления. На стыке интердискурсивности при корреляции иллокуции и перлокуции появляются отсылки к общему контексту, обуславливающие возникновение единства переживания и родственных смысловых гнезд.

Когда мы утверждаем, что человеческое существование длится, или «временит» («Всякое поведение присутствия должно интерпретироваться из его бытия, т. е. из временности»¹⁷), мы исходим из того, что это существование является бытием-в-речи, разворачивающимся в интерсубъективности. Событийность коммуникативна, она раскрывается в последовательности и логике речевого акта, в котором намерение (иллокуция) сменяется выражением (локуцией) и воздействием (перлокуцией). Намерение проговорить уже является частью речевого действия и результата этого действия.

Информационное общество создает необходимые условия для того, чтобы посредством коммуникации конституировалось такое дискурсивно-рефлексивное единство, в котором бы аккумулировались намерения и интересы, выходящие за пределы единоличных. Однако так же, как и память человека может сказать «со мной этого не было, это был не я», так и дискурс, позволяющий выстроить единую историческую линию, может уводить со-

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503, [9] с. С. 452.

общество от решения подобных задач. Актуализация дискурсивно-рефлексивного единства осуществляется в следующих функциональных позициях:

1. *Генерирование прагмакогнитивных узлов.* Об одном и том же факте действительности могут быть разные знания, организованные в разные тексты. Через соотнесение различных текстов, контекста и речедействия происходит расширение сферы знаний, она может становиться доступной большему числу участников.

2. *Речевая артикуляция социальной практики.* Повторение – один из способов коррекции поведения. Речевое действие есть закрепление ключевых пунктов социальной практики.

3. *Прагматическая дифференциация сфер социальной практики.* В контексте Модернити происходит дифференциация сфер знания. Три дискурсивные сферы вступают в неизбежные противоречия, и чем больше пропасть между ними, чем очевиднее дискурсы различного порядка, тем в большей степени будет выражена критическая рефлексия.

4. *Качественная идентификация общества.* В дискурсивных и речевых взаимодействиях происходит кристаллизация значения. Случайное уходит в прошлое, тогда как актуальное (именно в смысле коммуникативных взаимодействий в рамках определенного контекста) повторяется.

5. *Установление дискурсивных норм и правил.* Вне рефлексии историческое свидетельство неосуществимо. У замкнутых и неразвитых социумов нет истории, поскольку вне дискурсивной интеракции они просто не имеют возможности посмотреть на себя со стороны.

Любая эпоха и ее дискурс манифестируют тоталитарный характер в той мере, в какой индивид подчиняется им и не стремится раскрыть свое подлинное бытие. Очевидно, что понимание всегда исторично и всегда связано с ситуацией. И в этой автореферентности определение родового признака в дискурсивном множестве историчности осуществляется через собственные признаки. В результате проект Просвещения замыкается в рекурсивной бесконечности, если наделяет себя привилегированным статусом в отношении «притязаний на значимость». Однако рефлексия в интердискурсивном взаимодействии позволяет совершить выход за пределы культурных и социальных рамок.

В параграфе 3.3 «**Трансдискурсивность как синтез нового в коммуникативном пространстве**» изучается порождающая функция дискурса, благодаря которой в социокультурной среде создается новая ось дискурсивных практик. Новое, понимаемое как индивидуально переживаемый жизненный мир, раскрывшийся индивиду в рефлексии, возникает на границе дискурсов, в трансдискурсивности. Категория дискурсивно-рефлексивного единства наиболее точно определяет одновременную схематичность и процессуальность коммуникации, она позволяет рассмотреть проблему нового в преломлении постнеклассической парадигмы с обращением к терминологическому инструментарию коммуникативной онтологии.

В повседневной коммуникации возникновение нового смысла консти-

туировано, с одной стороны, интерсубъективностью как совместным смыслополаганием и бытием-в-речи, с другой – дискурсивной разностью. Кроме того, синтез нового смысла, коммуникативно нового – это путь от его возникновения до манифестации. Новое, возникающее как субъективно переживаемое состояние трансцендентного, в манифестации теряет значимость. Дискурсивные механизмы беспощадны по отношению к субъективно открывшемуся в переживании смыслу. В ситуации встречи индивидов, включенных в разные дискурсы, действует механизм *коммуникативной дизъюнкции*, настойчивого антитезиса субъекта и дискурсивного организма. В современном коммуникативном пространстве напряженность противостояния, в действительности, не приводит с необходимостью к синтезу и появлению новизны. Дискурс обезличенного поглощает индивидуальное. Этот феномен можно назвать *погоней информационного общества за субъективно новым*.

Новизна возникает именно тогда, когда «Я», отзываясь на переживание «другого» в коммуникативном взаимодействии, обнаруживает не существовавшее и не проявлявшееся ранее качество бытия. Таким образом, оно переводит нашу способность мыслить и действовать в режим более высокой интенсивности. Помимо субъективно нового коммуникативная среда включает в себя социально новое: новая оценка, поведение и образ жизни, новый стиль и дискурс, новые действия с материальными объектами, – все то, что в отличие от новизны индивидуального уровня является дискурсивно оформленным и встроенным в языковую картину мира.

Понятие трансдискурсивности позволяет приблизиться к пониманию способа преодоления разности культурных и социальных форм. Дискурс представляет собой мировоззренческую модель, смысловой фрейм, который в качестве предпосылочного, предрассудочного основания определяет познавательный вектор или научную позицию. Например, если для классического мышления (Декарт, Лейбниц) было характерно рассмотрение действительности через призму единых законов, причем таких, в которых объект предстает наглядно, то для концептуальных построений последующих эпох характерно познавательное «препарирование» объекта, уход от логоцентризма к эмпирическому и экзистенциальному индивидуализму. Эта дискурсивная предпосылка «универсальности законов», всеобщей таксономии лежала и в основе стремления создать единый язык. Механицизм Нового времени проявился не только в науке; он определил облик государства, отразился на системах управления, обусловив, например, появление бюрократической машины.

Проблема современности – не в трансдискурсивном переходе и смене типов рациональности, предполагающем факт возникновения одних дискурсивных систем из других. Проблема заключена в плюрализме форм и стилей жизни, несводимости разнообразных дискурсов к общему знаменателю, невозможности применить единые этические и нравственные критерии к человеку и обществу. Современность вряд ли можно представить как проект мирового духа по смене общественного уклада. Ее можно назвать совокупностью событий, которые сформировали определенный тип дискурса. В этом

смысле все происходящее случайно; с другой стороны, сформировавшийся дискурс современности диктует свой режим и навязывает свои правила, а именно: ничего завершенного, никаких окончательно конституируемых форм общественной жизни. В результате – распад всего традиционного, а также дискурсивный разрыв науки, морали и эстетики.

Трансдискурсивность в этом единстве представляет собой выход индивидуума и общества из ситуации традиционного дискурса посредством нового. В процессе социального коммуникативного взаимодействия в условиях общего контекста участники способны выйти за пределы соглашения и изменить «угол» зрения. Таким образом, субъективно новое и социально новое – это различные коммуникативные состояния переживания бытия. Их проявлению препятствует коммуникативная дизъюнкция, о возникновении которой свидетельствуют дискурсивная замкнутость, рекурсивность и избыточность.

Параграф **3.4 «Проблема норм в контексте языковой и дискурсивной вариативности»** посвящен изучению структурных единств, которые определяют ориентир индивидов в социальных взаимодействиях и условия достижения консенсуса. Проблема норм заключена в трудности установлении перехода от субъективной оценки и интерпретации нормы на индивидуальном уровне к интерсубъективной норме как результату взаимодействия и далее к универсальному (транскультурному, трансдискурсивному) согласию в жизненном мире. В параграфе ставится задача выявить условия применимости правил идеального способа рассуждения как общезначимого в отдельно взятом случае.

Изменение политической и экономической обстановки, в целом любые социальные преобразования влияют на совокупность всех языковых и речевых средств, на их функции и качества. Сами факторы языка и функциональные отношения между ними обуславливают иерархию дискурсов, определяют доминирующий дискурс (как нормативного, так и ненормативного языка). Можно сказать, что анализ языка – это анализ правил обозначения, конструирования и использования, а изучение дискурса – это анализ контекстуальных предпосылок речи. Невозможно осмыслить язык в отрыве от речедействия, но в то же время понимание дискурсивных отношений невозможно без учета структуры, конституированной как социальный механизм.

Достижение консенсуса – это не только результат соблюдения норм взаимной ответственности, но и искреннее желание участников дискурса достичь консенсуса. Норма – это одновременно результат и процесс, процесс кристаллизации общего в диалоге, в речедействии. С одной стороны, она выполняет роль редактора: пропускает в доминирующий дискурс все самое понятное, меткое и выразительное, отвергает все случайное и ненужное. С другой стороны, она определяет и предписывает форму говорения и письма в конкретном сообществе. Литература как одно из наиболее влиятельных средств массовой коммуникации является законодателем нормы дискурса. В рассмотрении процесса дискурсивной дифференциации и нормализации мы

исходим из двух важных положений, касающихся диахронии и синхронии отношения общества и языка.

1. *Темпоральное расхождение языковой и социальной структуры.* Дифференциация – это процесс, который во многих сообществах не связан непосредственно с расслоением общества (результатом которого в противном случае могли бы быть, например, классовые диалекты). Язык «запаздывает», единой структуры в соотношении «язык–общество» нет: дифференциация языка – это отражение не актуальной ситуации социума, а специфики общества прошлого.

2. *Отсутствие прямого соответствия между социальными факторами и языком.* Общественная реальность не отражается в языке; она в нем сложно оседает: языковой структуре и коммуникативным актам, встроенным в социальность, может не быть аналогий в обществе. Так, экономические условия могут не отражаться в языковой структуре, выбор стиля речи может быть нецелесообразным, а медленно изменяющийся письменный язык в целом может не передавать того варьирования, которое обусловлено характеристиками говорящих и языковой ситуацией.

Сегодня в сфере профессиональных коммуникаций в отношении теории и практики коммуникации становится очевидным конфликт вариативного и нормативного аспектов профессиональной коммуникации. Уровни противоречий профессиональной коммуникации суть таковы:

1. Инструментальный уровень: конфликт устной и письменной речи. На смену постмодернистскому «письму» пришла эпоха устной речи. В виртуальном пространстве возникает новая форма устно-письменной речи. Трансформация стандарта неизбежна, и в этом смысле вполне объясним факт расхождения мнений по поводу нормы и источников, которые должны служить образцом правильного языка.

2. Когнитивный уровень: конфликт навыка и рационального решения. На познавательном уровне проявляется противоречие между коммуникативным навыком (автоматизированным, подобным инстинкту приемом взаимодействия в общении) и рациональным решением как осознанным рефлексивным актом, включающим в себя способность стратегически мыслить в коммуникативном взаимодействии. Навык общения нельзя уподобить навыку обращения с предметом. Сложность автоматизации отношений заключена в том, что другая сторона отношения – это другой человек. Никакая степень развития усвоенных навыков не может быть гарантией достижения намеченных целей.

3. Операционный уровень: конфликт системы и действия. В этом противоречии кроются проблемы отношения общественного и индивидуального бытия, структуры и агента. Схемы практической рациональности являются неотъемлемой частью социализации, включения в процесс активного освоения реальности. Однако метауровень коммуникативного взаимодействия, на котором оказывается специалист в сфере коммуникаций, должен обеспечивать осознание границ структурных областей и возможность выходы за пределы этих типичных коллективных

построений.

Таким образом, противоречия теории и практики проявляются на уровне языка, коммуникативной компетентности и действий специалиста. При этом была установлена взаимозависимость системных трансформаций, изменений ценностных ориентиров массового общества и характера профессиональной коммуникации. Для того чтобы создать условия идеальной языковой ситуации, коммуникаторы должны соблюдать этически релевантные нормы речевых действий. Однако в речевом акте, в котором возникает уникальная прагматическая ситуация соотнесения локуции, иллокуции и перлокуции, коммуникатор сталкивается если не с нарушением норм, то, по крайней мере, отстранением от привычных правил.

В четвертой главе «**Этика коммуникативного сообщества**» противопоставляются два подхода к пониманию толерантности: как пассивного безразличия, дестабилизирующего общественные отношения, и как конструктивного рационального дискурса, позволяющего устанавливать эффективные коммуникации и ведущего к социальной интеграции. На основе анализа эффектов и парадоксов толерантности определяется, что дискурс толерантности выстраивается в единстве контекста, внутренней установки на взаимное признание позиций, рефлексии и целеполагания. Подводятся итоги сотрудничества с американским философом М. Лахтом в сфере вопросов толерантности в поликонфессиональном сообществе.

Показано, что дискурсивные практики – это конкретно-речевые манифестации дискурсивно-рефлексивного единства. Высказывания в дискурсе определяются контекстом и действием участников. Они образуют группу условий в пространстве дискурса, совокупность правил, которые действуют на каком-либо этапе развития общества. В отдельно взятых речевых актах реализуется интенциональный характер коммуникации, настроенность индивидов на «сближение», «вовлечение», принятие и изменение.

В параграфе 4.1 «**Целерациональное и моральное в коммуникативном сообществе**» исследуется вопрос концептуального расслоения дискурсивных практик коммуникативного континуума. Показано, что дифференциация рациональной и моральной областей представляет собой результат искусственного растяжения коммуникативного пространства, которое происходит вследствие реификации отношений жизненного мира, увеличения числа формальных связей системы. В постиндустриальном обществе становится заметным эффект разрастания информационной сферы. Это растяжение обусловлено усилением «белого шума», а не ростом объема «полезной», социально значимой информации. Число контактов увеличивается, однако это не приводит к сбалансированным и устойчивым отношениям, росту пространства эффективных связей.

Дискурс системы овеществляет самоценные отношения жизненного мира и формирует контекстуально-смысловую структуру, которая вступает с ними в конфликт. По мнению Хабермаса, проблемы коммуникативной инфраструктуры заключены в системно обусловленном овеществлении и

культурном упадке. Освобождение индивида от традиционных зависимостей демонстрирует его отчуждение от универсальных нравственных норм и обуславливает усиление зависимости от системы.

Представляется, что Хабермас верно продемонстрировал характерные для повседневной коммуникации современности формализацию и реификацию отношений, в процессе которых «Мы»-интенция и ценностные аспекты взаимодействий вытесняются вещными отношениями. Думается, что конфликт рассудка и морали состоит в невозможности связать коммуникативный акт и цель в силу ограниченности действия человека дискурсом овеществления и подавления отношений жизненного мира системой экономики и власти.

Ключевую роль в решении этой проблемы играет не только моделирование идеальной коммуникативной ситуации, которая бы дала возможность прийти к равновесию стратегического (инструментального) и коммуникативного порядка. Не менее важным является интерпретация «сути дела» (в Гадамеровом понимании), общего контекста, скрытого дискурсом овеществления. Элементами лингвистически опосредованной модели социального равновесия являются, соответственно, Мы-интенция, интерпретация реифицированных символических форм с обнаружением единого контекста, допущение разности позиций и рефлексия.

Признание разности коммуникативных потенциалов не равно процессу социальной атомизации. Напротив, когда индивид осознает и допускает вероятность непонимания, берет на себя ответственность за результат взаимодействия, он способен выйти за пределы формального уровня коммуникации, осмыслить конкретный контекст жизненного мира и достичь баланса в социальных отношениях. Говоря о негативных сторонах овеществления межличностных связей, Хабермас, возможно, не замечает, что формализация отношений, которая, казалось бы, должна привести к консенсусу, лишена человеческого, экзистенциального измерения, слабо применима к частному случаю и латентно включает в себя признаки реификации.

Вопрос о сформулированности в практическом дискурсе целеполагания и нравственной ценности конституирован самой возможностью морального рассуждения. Сложность заключается в том, что рационализация морали в классическом смысле затрудняет определение характера и мотива целеполагания: например, дифференциацию экономической целесообразности и цели как достижения блага.

Общим пунктом и этики долга, и эвдемонизма является необходимость соответствия поступка норме (цели блага), выраженного в том, что индивид несет ответственность за действия и результат. Это значит, что субъект морального дискурса должен соотносить в высказывании собственное действие с нормой. Вместе с тем, в политическом дискурсе, например, понятие «ответственность» редко сопровождается местоимением «Я» («я беру на себя ответственность»). Можно сказать, что в политическом дискурсе противоречие возникает на уровне несоответствия коммуникатора субъекту

речи. Так, во фразе «этот вопрос требует ответственного решения и взаимного доверия» подлежащим является существительное «вопрос», то есть субъект действия «размывается», и непонятно, кто действительно должен взять в этих случаях ответственность на себя за свои поступки.

Несмотря на то, что мораль должна являться регулятором человеческих отношений, она никогда не говорит, что нужно делать в конкретной ситуации, но указывает на то, что делать нельзя. Ценности, демонстрируемые в каких-либо социальных группах и выступающие в качестве общественно значимых нравственных норм, являются по своим функциям негативными (отрицательный императив «не делай!» или предикатив «нельзя»), то есть ограничивающими возможность реализации цели. В результате индивид оказывается перед выбором: либо достижение цели, либо соблюдение моральных норм. Иными словами, существует норма, которой не соответствует ни один случай социальной практики.

Достижение баланса целерациональной и ценностной сферы зависят от возможностей свободного волеизъявления в пространстве публичных коммуникаций и условий для установления политического консенсуса в справедливом плюралистическом обществе.

В параграфе **4.2 «Дискурс индивидуального и обезличенного в массовой коммуникации»** рассматривается механизм вытеснения дискурса индивидуальности дискурсами обезличенного «Я», носителя совокупного образа, диктуемого коммуникативной средой. Проблема конфликта повседневных жизненных смыслов человека и социальной системы в контексте активной медиатизации жизни человека, разрастания виртуального пространства обретает особую остроту. Тотализация сознания – закономерный итог инструментально истолкованного, деформированного обыденным сознанием рационализма Нового времени, выраженный в зависимости человека от дискурсов потребления, фреймов «мягкой силы» и в неспособности личности почувствовать свою искаженную сущность. Для самого человека утверждение о том, что его мир колонизирован системой, может быть надуманным.

В работе отмечается важность выявления предпосылок усиления эффектов зависимости человека от скрытых (неполитических) властных дискурсов в информационном обществе. Кроме того, следует определить, каким образом в коммуникации дискурс информационного общества формирует такой тип отношения личности и мира, для которого не только мир предметно противопоставлен человеку, но и индивид противопоставлен самости. Если политическая власть является эксплицитной, и ее повестка дня очевидным образом преломляет реальность человека, то власть, скажем, потребительского дискурса инкорпорирована в логику жизненного мира, она завуалирована семантикой желаний и удовлетворения и не воспринимается как что-то чуждое человеку; скорее наоборот.

В макросфере политики эти вопросы сводятся ко всеобщей реакции социального эгоизма. Таким образом, между экономическими возможностями общества и моральными требованиями, между политикой,

правом и эстетикой возникает конфликт. Культура развивается неравномерно: с одной стороны наблюдается развитие научно-технической сферы, а с другой – тенденция морального релятивизма. Стоит отметить, что дело не в оценке релятивизма с этической позиции. Проблема заключается в том, что в руках человека оказываются инструменты, использование которых он ни объяснить, ни контролировать не может.

Казалось бы, коммуникация как символически опосредованное действие является тем единственным свободным пространством, которое позволяет примирить действительное и должное. Однако нормативный уровень коммуникативного взаимодействия, институционально закрепленный и выполнявший функцию упорядочивания социальной связи, сегодня регулируется системно. Изменение статуса коммуникации в обществе породило борьбу за информацию. Один из феноменов нашего времени – информационные войны – является еще одним подтверждением тому, что коммуникативная система – это результат целенаправленного действия.

Обособление членов общества сущностно меняет характер отношений: неформализованные связи перестают основываться на взаимопомощи и все более приобретают характер экономически выгодных действий. Что еще более важно, общество теряет возможность коллективно отстаивать свои интересы. История всегда была историей массы, группы, но не историей индивидуальности. Сегодня мы можем говорить о наступлении эпохи сверхкоммуникативного общества, в котором средства массовой информации позволяют выходить на индивидуальный уровень в массовой коммуникации.

Коммуникация – это фундаментальный процесс, без которого невозможны социальные связи и отношения. Однако в связи с развитием технических средств и культивацией процесса потребления коммуникация стала инструментом управления. Сейчас эти новые средства позволяют устанавливать индивидуальные связи с аудиториями, контактировать адресно. Таким образом, с одной стороны, это массовая коммуникация, с другой – индивидуальная. Пример такой коммуникации – современная индивидуальная реклама в Интернет-браузерах, а в будущем гипотетически – адресное обращение, к примеру, авторитетного политика к каждому гражданину страны с одним исходящим сообщением, которое трансформируется в ресивере получателя в зависимости от его личных потребностей. Сверхкоммуникативное общество – это общество сверхвозможности установления одновременно массовых и личностных контактов.

Онтологически первичное отношение индивида (как неделимого и существующего самого по себе, как латинское «persona») к бытию, разворачивающееся в коммуникации, представленное как триада «индивидуум – коммуникация – бытие», онтически не является первичным. Это отношение предварено интерсубъективностью как бытием-в-речи. Индивид себя опознает в другом: мое первое лицо, выраженное в местоимении «Я», является проговариванием этого «Я» от лица другого,

голосом второго лица. Главная трудность в поиске себя заключена в том, что универсальное как основа познания себя и внешнего мира, как предпосылка установления взаимопонимания раскрывается в интерсубъективности, в коммуникативном действии в ущерб личностным установкам. Речевое действие, ограниченное общим знанием контекста, неизбежно оборачивается исчезновением индивидуальности.

У реплики в дискурсе есть носитель, он может не быть автором дискурсивной формулировки: например, для высказывания в учебнике по геометрии неважно, кто является его автором, кто является читателем или человеком, которой рассказывает о теореме Дезарга. Коммуникатор здесь носит обезличенный характер, и его может представлять в реальности любой: важно не то, *кто* исполняет роль коммуникатора, а само *исполнение* роли, само действие. Индивидуализация дискурса происходит в тот момент, когда носитель не тиражирует речевое действие, сопряженное с высказыванием, когда он предвидит послеречевое воздействие.

Культура как дискурс представляет собой целостность, в которой каждый элемент является проявлением или следствием ее ориентира. Само действие, объективно существующее, артикулирует значение, однако дискурс может иметь и характер лица. Дискурсивность не ограничивается только этими событиями и распространением общих значений. Каждый раз, мысля дискурс, мы мыслим область действия, при этом мы мыслим его в терминах того, кто это действие осуществляет. Основной вопрос не в том, чьими устами говорит дискурс, подчиняя его условиям культурной диспозиции, а в том, насколько участник коммуникации при этом способен проявить свои индивидуальные качества и реализует ли он в этой дискурсивной зависимости свою персональную свободу.

Таким образом, дискурс никогда не может быть до конца обезличен, так же как и индивидуальная речь не может освободиться от присутствия в ней общего, внеиндивидуального. Обезличенный дискурс – это не столько преобладание пациентивных конструкций, сколько доминирование в речи таких референций и совершение таких действий, которые свидетельствуют о нерелексивном характере коммуникативного поведения. Именно такое поведение провоцирует повтор, тиражирование идей, означивание «Я» через дискурсивно ограничивающие роли.

В параграфе 4.3 **«Рациональная толерантность как этический принцип коммуникации»** толерантность изучается как принцип дискурсивной этики, состоящий в общем стремлении к достижению взаимопонимания и согласия. Утверждается, что толерантность обозначает такой тип отношения к *другому*, который требует не столько сознательного подавления чувства неприятия, сколько релексивной интенции на достижение консенсуса. В этом смысле «мнимая» толерантность, обозначающая совокупность поведенческих реакций вне диалога (например, безучастность, индифферентность или позиция «живи и дай жить другим») отлична от истинной толерантности – рациональной. В социальной практике наиболее значимым вопросом является установление границ толерантности,

в пределах которых она может быть необходимой и соответствующей природе межличностного взаимодействия.

Требуется исходить из посылки, что толерантность возможна только в ситуации диалога, в процессе которого дискурсивная гетерогенность выступает основанием для взаимопонимания конфликтующих сторон, при этом предъявляемые ими претензии на значимость аргументов ведут не к достижению согласия по поводу объекта, а к осознанному принятию разных точек зрения. Коммуникация является условием, при котором само отношение толерантности становится возможным. Без установления взаимодействия, в процессе которого субъекты приходят к выявлению точек соприкосновения, общих сторон, невозможно найти выход из отношения нетолерантности.

Специфика толерантности проявляется в антиномиях, которые манифестируют внутреннюю противоречивость коммуникативного взаимодействия. В параграфе выявляются антиномии рефлексии и дискурса, когнитивного и поведенческого (противоречие становится очевидным, когда инаковость, разность обнаруживается не в когнитивной сфере, а в области практики) и антиномия формальной процедуры и контекста. Подчеркивается, что теория коммуникативного действия утопична в том отношении, что в контексте глобализационных процессов нивелирования дискурсов, а также в условиях коммуникации, опосредованной массмедиа, понятия нормы и консенсуса изживают себя. Под нормативной договоренностью может пониматься конформизм или результат медиасуггестии. Современность вынуждает обращаться в большей степени к понятию «конфликт», чем к понятию «консенсус», латентным атрибутом которого может быть подавление. Альтернативный методологический заход к решению проблемы состоит в разработке дискурсивной этики, ключевой характеристикой которой является нормативное признание конфликта с отказом его устранения посредством введения репрессивного порядка.

Утверждается, что конструктивный дискурс толерантности, выстраиваемый как регламентированные речевые акты, выполняет функцию координации действий индивидов, чьи идентичности автономны. В то же время в дискурсе насилия последние выражены в терминах доминирующей идентичности. Дискурсивная компетенция терпимости располагается в области между тем, против чего индивид возражает, но может принять, и областью строгого отказа (скажем, неприятия экстремизма). Рациональный дискурс толерантности означает, что общая сфера принятия должна быть более очевидной, чем сфера отторжения.

Дискурс рационального толерантного отношения включает в себя следующие *компоненты*: возражение, контекст, рефлексия, принятие и цель. Их определение позволяет дифференцировать толерантность и безразличие к проблемам. Известный парадокс толерантности *«морально правильно терпеть то, что морально неправильно»* можно преодолеть, определив общую сторону отношений. В ситуации конфликта важно установить границу между тем, что может быть терпимо, а что – нет.

Еще один парадокс толерантности заключается в том, что, говоря о границах толерантности, мы предполагаем нетолерантность. Не существует общества с единой истиной. В условиях глобализации необходимо избегать риска репрессивной этики с одним центром культурных и религиозных норм. С другой стороны, этическое – дискурсивно и может быть встроено в культурный и религиозный контекст. Попытка сделать кого-то счастливым через собственную систему измерений и навязывание стандартов неизменно приводит к противоположному – к отрицанию свободы «Я». В этом состоит парадокс толерантности: необходимо одновременно быть терпимым и не быть безнравственным. Его решение заключается в выходе на метауровень и обращению к системе измерения более высокого порядка. Такой ценностью общей значимости является справедливость. Рационализация отношений на основе справедливости – это опора на доступные в равной мере для всех участников диалога блага и равные возможности.

В **Заключении** в диссертационном исследовании подводятся итоги и намечаются возможные перспективы изучения коммуникативного пространства.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. Миннуллина Э.Б. Сущность объекта как цель социального познания / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. – 168 с.
2. Миннуллина Э. Б. Коммуникативное пространство. Рациональность. Дискурс. Монография / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2014. – 180 с.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Миннуллина Э.Б. Интерессубъективность как бытие-в-речи в горизонте жизненного мира / Э.Б. Миннуллина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. – С. 115-119.
2. Миннуллина Э.Б. Рациональная толерантность как принцип этики дискурса / Э.Б. Миннуллина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 27-32.
3. Миннуллина Э.Б. Историчность в дискурсивно-рефлексивном единстве / Э.Б. Миннуллина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1: в 2-х ч. Ч. I. – С. 147-150.
4. Миннуллина Э.Б. Коммуникативная рациональность в контексте современности / Э.Б. Миннуллина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 12. – С. 24-28.

5. Миннуллина Э.Б. Дискурс индивидуального и обезличенного в контексте языковых различий / Э.Б. Миннуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2013. – № 12(66). – С. 107-114.

6. Миннуллина Э.Б. Дискурс толерантности в поликонфессиональном сообществе / Э.Б. Миннуллина // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 03 (69). – С. 117-123.

7. Миннуллина Э.Б. Синтез нового в коммуникативном пространстве. Теория и практика общественного развития / Э.Б. Миннуллина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 03. – С 17-21.

8. Миннуллина Э.Б. Коммуникативное пространство в контексте трансформации философии / Э.Б. Миннуллина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. – С. 131-134.

9. Миннуллина Э.Б. Коммуникативные основания социально-философской рефлексии / Э.Б. Миннуллина // Дискуссия. – 2014. – № 3. – С. 27-35.

10. Миннуллина Э.Б. Социальное знание в дискурсивной практике / Э.Б. Миннуллина // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – № 1. – С. 106-115

11. Миннуллина Э.Б. Дискурсивно-рефлексивное единство как измерение коммуникативного пространства / Э.Б. Миннуллина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 09. – С 17-21.

12. Миннуллина Э. Б. Целерациональное и моральное в практическом дискурсе / Э.Б. Миннуллина // Дискуссия. – 2014. – № 9. – С. 40-48.

13. Миннуллина Э.Б. Дискурс в структуре коммуникативной рациональности / Э.Б. Миннуллина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 10. – С. 31-36.

14. Миннуллина Э.Б. Дискурс и проблема субъективности / Э.Б. Миннуллина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12/1. – С. 80-85.

15. Криптокомпонент дискурса: личность в тотальности системы / Э.Б. Миннуллина // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 7. – (в печати).

Публикации в других научных изданиях:

1. Миннуллина Э.Б. Роль дискурсивных факторов в языковой структуре / Э.Б. Миннуллина // Тезисы докладов участников конференции, посвященной 40-летию КГЭУ «Навстречу XXII всемирному философскому конгрессу: переосмысливая философию». – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2008. – 120 с. – С. 46–47.

2. Миннуллина Э.Б. Коммуникация в контексте постнеклассической философии / Э.Б. Миннуллина // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Современные и гуманитарные знания: тради-

ции, новации, перспективы». – Казань: Казан. гос. техн. ун-т, 2010. – С. 272–275.

4. Миннуллина Э.Б. Проблемы языковой политики и языковых отношений в странах СНГ [Электронный ресурс] / Э.Б. Миннуллина // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010». – М.: МАКС Пресс, 2010. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/index.htm.

5. Миннуллина Э.Б. Философы и лингвисты о дискурсе / Э.Б. Миннуллина // Философия. Язык. Познание. Сборник материалов, посвященных 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею доктора философских наук, профессора Э.А. Тайсиной. – Казань: Казан. гос. техн. ун-т, 2011. – 248 с. – С. 169–175.

6. Миннуллина Э.Б., Миннуллин А.Н. Понимание как коммуникативное событие / Э.Б. Миннуллина // Материалы международной научно-образовательной конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии». – Казань: К/п/ФУ, 2012. – С. 121–127.

7. Миннуллина Э.Б. Пути обоснования познания в контексте трансформации философии / Э.Б. Миннуллина // Навстречу XXIII всемирному философскому конгрессу: философия как исследования и образ жизни: Программа и материалы докладов международной конференции, посвященной 45-летию КГЭУ. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2013. – С. 110–111

8. Миннуллина Э.Б. Экспозиция вопроса о дискурсивном синтезе: к критике трансцендентальной прагматики / Э.Б. Миннуллина // Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Материалы VI Российского философского конгресса. В 3- томах. Том II. – Н. Новгород, 2012. – 467 с. – С. 101–102.

9. Миннуллина Э.Б. Языковые отношения и языковая политика: Учебное пособие / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-та, 2004. – 84 с.

10. Миннуллина Э.Б., Тайсина Э.А. Теория коммуникации с элементами семиотики: Учебное пособие / Э.Б. Миннуллина, Э.А. Тайсина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2009. – 220 с.

11. Миннуллина Э.Б. Языковые отношения и языковая политика: программа, методические указания / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-та, 2009. – 36 с.

12. Миннуллина Э.Б. Социолингвистика для специалистов в сфере коммуникации: Учебное пособие / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2015. – 165 с.

13. Миннуллина Э.Б. Психология массовой коммуникации: Учебное пособие. / Э.Б. Миннуллина. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-та, 2015. – 162 с.

14. Миннуллина Э.Б. Противоречия теории и практики профессиональной коммуникации: вызовы времени // Вопросы методического обеспечения профессиональной подготовки кадров по коммуникативно-ориентированным специальностям. Материалы круглого стола. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2015. – 180 с. – С. 88-96.